Годъ шестьдесятъ четвертый. По описи № 4 2 января 1902 года.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

№ 1.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой въ Н.-Новгородѣ и пересылкой въ другіе города: за полное изданіе (*оффиціальная и неоффиціальная части*) на годъ 6 руб., на полгода 4 руб., за одну оффиціальную или неоффиціальную часть на годъ по 4 р., на полгода по 2 р. 50 к.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неофф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя ... должны быть за подписью и съ адресомъ ...

Статьи, присланныя безъ обозначенія ... безплатными. Всѣ же прочія—опл... гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными ... не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, ... измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд“., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Съ разрѣшенія Г. Министра Путей Сообщенія, *съ 22-го сего Декабря*, открывается временное пассажирское и товарное движеніе на новомъ участкѣ Арзамасъ—Нижній-Новгородъ Московско-Казанской дороги, при чемъ до новаго распоряженія Министерства, пассажирскіе поѣзда не будутъ доходить до ст. Нижній, а назначаются въ обращеніе лишь между Арзамасомъ и временнымъ остановочнымъ пунктомъ **„Мыза“** (въ разстояніи 6 верстъ отъ ст. „Нижній-Новгородъ“), по слѣдующему росписанію:

Поѣздъ № 3—Отправленіе изъ Мызы— 9 ч. 45 м. утра.
Прибытіе въ Арзамасъ— 3 ч. 59 м. дня.

Поѣздъ № 4—Отправленіе изъ Арзамаса—11 ч. 42 м. утра.
Прибытіе въ Мызу . . — 5 ч. 15 м. дня.

по Петербургскому времени.

Указанные поѣзда составляютъ продолженіе поѣздовъ за тѣми же нумерами участка Арзамасъ-Тимирязево, которые, въ свою очередь, согласованы на ст. „Тимирязево“ съ пассажирскими поѣздами №№ 9 и 10 главной линіи Москва—Казань. 3—2

ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ НИЖЕГОРОДСКАГО ЯРМАРОЧНАГО КОМИТЕТА.

Уплата %% по купонамъ облигацій Нижегородскаго Ярмарочнаго Купечества на срокъ 2 Января 1902 г. будетъ производиться въ Правленіи Волжско-Камскаго Банка въ С.-Петербургѣ и въ отдѣленіяхъ его въ Москвѣ и Н.-Новгородѣ. 3—3

Нижній-Новгородъ, 2-го января.

Подъемъ духа есть народная великая сила, свидѣтельствующая ту или др. степень духовнаго и физическаго богатства.

Оставляя за собой 1901 годъ съ минувшими невзгодами и народными бѣдствіями, мы глубоко убѣждены, что эти невзгоды не оставили слѣда на грядущемъ будущемъ. Мы также глубоко вѣруемъ въ это свѣтлое будущее, какъ вѣруемъ въ мощь и подъемъ духа нашей великой родины. Желаемъ, чтобы этотъ духовный подъемъ, какъ великая сила, присущая русскому народу, никогда не покидалъ его.

Въ отголоскахъ столичной печати мы, между прочимъ, встрѣтили, что „великій писатель земли русской, наблюдая народную жизнь пришелъ къ заключенію, что главная причина деревенскаго оскудѣнія лежитъ будто бы въ томъ, что крестьянинъ нашъ палъ духомъ“....

Общественное сознаніе говоритъ противное. Тутъ очевидно скрывается грубая ошибка. Ошибка—въ печати, комментирующей слова писателя, или же въ томъ, что крестьянинъ могъ пасть духомъ отъ оскудѣнія, а это послѣднее могло быть вызвано какимъ нибудь частнымъ бѣдствіемъ въ видѣ пожаровъ, недорода и т. п. Но такое оскудѣніе и упадокъ духа представляетъ такую частицу, которая является каплей въ морѣ.

И поэтому такіе отголоски намъ кажутся дѣтскимъ лепетомъ....

Если бы тотъ, кому принадлежитъ этотъ дѣтскій лепетъ, попробовалъ заглянуть въ самую глубь русской жизни, а не наблюдать ее, сидя въ кабинетѣ столицы, то онъ убѣдился бы, что народная жизнь—творчество, вѣра и все, чѣмъ красна эта жизнь,—попрежнему полны глубокой силы и попрежнему двигаютъ горами.

Да, жива и сильна могучая Русь!

И мы, памятуя о томъ, что работать и бороться съ неправдой и зломъ можно только съ глубокой вѣрой въ груди, смѣло встрѣчаемъ новый годъ съ его грядущими радостями и невзгодами, полные искренняго желанія родному краю всякихъ благъ, а главное—больше свѣта и правды.

Въ Святую ночь.

Покинувъ пиршества чертоговъ
И блескъ сіяющихъ палатъ,
Сойдите въ тотъ пріютъ убогій,
Гдѣ страждетъ вашъ забытый братъ.

* * *

Спуститесь въ тюрьмы и подвалы,
Гдѣ скорбь нѣмая слезы льетъ,
Гдѣ часто труженикъ, усталый
Въ борьбѣ съ нуждою, жизнь клянетъ.

* * *

Не средь веселія и кликовъ,
Не въ пышномъ городѣ царя,
А въ Виѳлеемѣ бѣдномъ, тихомъ
Явилась чудная заря—

* * *

Звѣзда Востоки. Воплотился
Въ глухой пещерѣ пастуховъ
Спаситель міра. Озарился
Пріютъ безвѣстныхъ бѣдняковъ

* * *

Небесной славой. Богъ—Властитель
Тамъ колыбель себѣ избралъ
Въ убогихъ ясляхъ; Искупитель
Впервые пастырямъ предсталъ.

* * *

И не въ богатствѣ. въ славѣ свѣта
Младенецъ жилъ и возрасталъ,
Нѣтъ! Скромный плотникъ Назарета
Младенца-Бога воспиталъ.

* * *

Въ убогомъ домикѣ смиренно
Трудился, въ бѣдности возросъ
Господь. Создатель всей вселенной,
Небесный Отрокъ—нашъ Христосъ.

* * *

Величье Божье въ воплощеньи
Онъ Галилейскимъ рыбакамъ
Явилъ впервые; откровенье
И благодать далъ бѣднякамъ.

* * *

И въ эту ночь Онъ вновь незримо
Въ пріюты горя и невзгодъ,
Къ страдальцамъ, бѣднымъ и гонимымъ
Утѣшить скорби ихъ идетъ.

* * *

Для нихъ въ торжественномъ молчаньи
Сіяетъ чудной ночи свѣтъ—
Звѣзда отрадныхъ упованій
И милосердія завѣтъ.

* * *

Среди несчастныхъ, угнетенныхъ,
Изнемогающихъ въ борьбѣ,
Младенецъ, въ эту ночь Рожденный,
Вновь колыбель обрѣлъ Себѣ.

* * *

Въ сердцахъ людей простыхъ, смиренныхъ,
Создалъ Себѣ Онъ новый храмъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ тщетѣ надменной...
Идите всѣ къ Нему, - Онъ тамъ!

Сфинксъ.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

Въ приволжскомъ городѣ Энскѣ, въ домѣ первогильдейнаго купца Ивана Кузьмича Расторгуева шли спѣшныя приготовленія къ великому празднику Рождества Христова.

Расторгуевъ считался однимъ изъ первыхъ богачей Поволжья. Онъ давно оборвалъ всѣ связи съ своимъ прошлымъ, когда въ самодѣльныхъ лапоткахъ гонялъ плоты или тянулъ лямку, усыпая подъ аккомпаниментъ вольнаго вѣтра или звуковъ пѣсни родной „дубинушки“.

Теперь,—прошло много лѣтъ съ той поры,—онъ сдѣлался богатымъ и знатнымъ купцомъ и теперь ужъ жилъ на „широкую барскую ногу“, имѣя многочисленный штатъ прислуги.

И всѣ праздничныя приготовленія носили на себѣ печать, если не широкаго барства, то богатства и праздной, хотя и безвкусной роскоши. Стоило только взглянуть на обширный столъ, уставленный изысканными закусками и цѣлой батареей бутылокъ, на оффиціантовъ, безшумно скользящихъ по паркету, на повара, то и дѣло появляющагося въ столовой въ своемъ бѣлоснежномъ колпакѣ съ физіономіей, лоснящейся отъ жира, своимъ внѣшнимъ видомъ напоминающаго откормленнаго борова,—стоило взглянуть на эту обстановку, чтобы съ увѣренностью сказать, что тутъ богатство и внѣшнее довольство свило себѣ прочное гнѣздо.

Однако, это богатство не дало владѣльцу того внутренняго душевнаго довольства, которое называется счастьемъ....

Даже можно сказать, что Расторгуевъ былъ несчастливъ.

„Да, да,—иногда мысленно говорилъ онъ въ минуты тяжкаго раздумья,—не далъ мнѣ Богъ счастья.... Знать за мои грѣхи тяжкіе“....

Семья Расторгуева состояла изъ него самого, его жены Аграфены Ивановны, расплывшейся и апатичной особы, не знавшей послѣдніе годы никакихъ другихъ жизненныхъ интересовъ, кромѣ ѣды, питья, перины и бесѣдъ съ монахами, странниками и странницами,—дочери подростка—Насти, и сына „Мити“. Послѣдній и служилъ для отца, тѣмъ „крестомъ“, тяжесть котораго онъ, Расторгуевъ, несъ за свои грѣхи.

„Митя“ шесть лѣтъ тому назадъ былъ 18-лѣтнимъ юношей и въ то время учился въ реальномъ училищѣ. Сынъ и отецъ были противоположные полюсы; они не сходились ни во взглядахъ, ни въ убѣжденіяхъ; даже характеръ ихъ представлялъ рѣзкую разницу. Кроткій, съ доброй отзывчивой душой желавшій всѣми силами своей души отыскивать въ людяхъ одно только свѣтлое, доброе и правдивое, юный Расторгуевъ не могъ не видѣть въ лицѣ своего отца и окружающей его жизни только отрицательныя стороны своихъ чистыхъ стремленій. Кромѣ того, Расторгуевъ-отецъ былъ, по своему характеру грубый деспотъ, не признающій ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ, не знающій иныхъ жизненныхъ интересовъ, кромѣ всесильнаго рубля.

Нечего говорить о томъ, что они, живя подъ одной кровлей, сталкивались часто, но сойтись никогда не могли.

Крупныя и серьезныя столкновенія отца съ сыномъ послѣдовали вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній окончилъ курсъ и собирался поступить въ высшее учебное заведеніе. Отецъ не соглашался и требовалъ, чтобы тотъ посвятилъ себя исключительно хлѣбной торговлѣ, которой занимался онъ самъ.

— Не могу,—говорилъ умоляющимъ голосомъ Митя,—не могу идти по этой дорогѣ....

— Почему же это ты не можешь?... Нѣтъ, врешь, ты можешь, а не хочешь, такъ я тебя заставлю! заставлю!

— Не заставишь меня, отецъ, сдѣлать то, что противно моей душѣ.....

Я знаю въ чемъ заключается ваша торговля..... Я знаю, какъ наживали вы богатство..... Проклятое это богатство!... И въ одно прекрасное время высказалъ отцу въ глаза всю горькую правду,—всѣ плутни все зло, всѣ темныя стороны „торговыхъ операцій“, особенно подчеркивая,—ту роль, которую играло въ дѣлѣ торговли великое народное бѣдствіе—голодъ, когда хлѣбные торговцы драли съ живого и мертваго, пользуясь „моментомъ“, и наживали баснословные капиталы.

Видимо, молодой Расторгуевъ глубоко позналъ „отцовское дѣло“.

Отецъ осыпалъ сына градомъ отборной брани, бросался на него съ кулаками, давалъ обѣщаніе проклясть и лишить наслѣдства, но на послѣднюю угрозу сынъ только улыбался.

Однако Расторгуевъ-отецъ не терялъ надежды, что „перемѣлится—и мука будетъ“, но время шло, ни.... желанной муки не выходило: Митя и не думалъ приниматься за торговлю, а напротивъ—усиленно готовился къ экзамену.

Между отцомъ и сыномъ незамедлило послѣдовать крупное и серьезное объясненіе, а вслѣдъ разыгралась такая дикая сцена, которая имѣла роковыя послѣдствія...

Отецъ, собравъ свою многочисленную дворню, приказалъ выпороть сына въ своемъ присутствіи, что блистательно и исполнили тѣ купленные хамы, для которыхъ Митя былъ предметомъ боготворенія.

Цѣлый день Мити не было дома; отецъ уже нѣсколько разъ съ тревогой въ голосѣ справлялся—не возвратился ли сынъ.

„Боже избавь, ежели вздумаетъ что сдѣлать надъ собой?.... Пропадешь“.... И онъ уже начиналъ раскаиваться въ своемъ [illegible]номъ дѣяніи, но Митя вечеромъ неожиданно возвратился и, не заходя къ себѣ въ комнату, смѣлой и рѣшительной походкой направился въ столовую, гдѣ вся семья сидѣла за чаемъ.

Увидя сына живымъ и невредимымъ, Расторгуева снова охватила злоба, какъ звѣря, увидѣвшаго кровь.

— А-а-а, другъ любезный,—началъ онъ, трясясь отъ злобы,—будешь теперича повиноваться отцу?!....

Митя медленно подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ отецъ; на немъ лица не было; глаза его сверкали и онъ весь трясся, какъ въ сильной лихорадкѣ.

— У меня отца нѣтъ!... закричалъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—нѣтъ больше отца, а звѣря я буду помнить!.... Долго буду помнить!.... Онъ плюнулъ въ лицо отца и быстро направился къ выходу. Присутствующіе были такъ поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ, что первыя минуты никто и не подумалъ преслѣдовать Митю, а когда Расторгуевъ, очнувшись и заревѣвъ, бросился искать сына, то его и слѣдъ простылъ.

Не пришелъ Митя ночевать, не явился и на другой день, когда всѣ служащіе были посланы на розыски пропавшаго и вся городская полиція была поставлена на ноги.

Прошло нѣсколько дней, а Митя не являлся. Расторгуевъ приказывалъ, просилъ, молилъ розыскать сына, обѣщая нашедшему большія деньги, но о пропавшемъ не было ни слуху.

Расторгуевъ злобился, плакалъ и ломалъ руки, молился, служилъ молебны и ставилъ свѣчи святымъ угодникамъ въ руку толщиной....

Прошелъ годъ, а Митя словно въ воду канулъ.....

Расторгуевъ затосковалъ,—проснулось и у него вѣчно спавшее отцовское сердце.... Онъ только теперь понялъ, какъ горячо любилъ сына, но любилъ „по-своему“.....

Расторгуевъ сталъ не узнаваемъ: изъ хищнаго звѣря онъ превратился въ смиреннаго отца: торговыя дѣла свои мало-по-малу ликвидировалъ и, обладая громадными капиталами, не щадилъ средствъ на дѣло благотворенія. Онъ широко поставилъ это святое дѣло широкой и истинной помощи бѣдному и страждущему человѣчеству.

„Это единственный памятникъ на могилѣ Мити“.... говорилъ самому себѣ Расторгуевъ, оплакивая погибшаго сына.

Аграфена Ивановна молча плакала и чуть не ежедневно служила о сынѣ панихиды.

Прошло шесть лѣтъ.

О Митѣ не было никакихъ вѣстей.

Въ описываемый сочельникъ Расторгуевъ, когда подали огни, сидѣлъ одинъ въ своемъ обширномъ кабинетѣ передъ топившимся каминомъ и, склонивъ голову на грудь, думалъ горькую думу о прошломъ, о томъ дорогомъ прошломъ, когда подъ этой кровлей слышался кроткій, проникающій въ душу голосъ его дорогого сына....

И Расторгуевъ, какъ-то вдругъ за одинъ годъ осунувшійся и посѣдѣвшій, чувствовалъ какъ щемящая боль охватила все его сердце...

Извѣстно, что горе и сердечныя боли чувствуются тяжелѣе въ пору одиночества и въ торжественные часы кануновъ великихъ праздниковъ.

Долго просидѣлъ Расторгуевъ въ одномъ положеніи и очнулся, когда услышалъ стукъ въ дверь и голосъ: можно войти?

— Это ты, Алеша? Войди, войди....

Въ кабинетъ вошелъ жизнерадостный студентъ Алексѣй Вороновъ; онъ былъ круглый сирота и приходился дальнимъ родственникомъ Расторгуева. Вороновъ пріѣхалъ провести святки у своего родственника, которому онъ былъ обязанъ своимъ поступленіемъ въ университетъ.

— Я не помѣшаю вамъ, Иванъ Кузьмичъ?

— Нѣтъ, не помѣшаешь. Напротивъ, я радъ, что ты пришелъ перемолвиться словомъ, радъ.... Тоска, братъ, меня душитъ, тоска.....

Юноша, зная сердечную боль старика, началъ было утѣшать его, но тотъ только, махнувъ рукою, печально улыбнулся.

— Я вотъ что тебя спрошу, Алеша,—началъ немного погодя Расторгуевъ,—гдѣ можно найти истинное горе, ну, человѣческое страданіе, найти вотъ именно теперь, въ эти часы?

— Гдѣ найти?... переспросилъ онъ,—мнѣ кажется, что если искать, то можно вездѣ найти....

Немного подумавъ, онъ продолжалъ:

— А вотъ что я вамъ скажу..... Постойте, я сначала спрошу васъ: вы зачѣмъ спрашиваете—хотите облегчить страданія, оказать помощь; вѣдь я угадалъ?

— Да, когда я нахожу истинное людское горе и если мнѣ удается облегчить его, то мнѣ легко дѣлается на душѣ.....

— Отлично, я придумалъ, Иванъ Кузьмичъ,—торжественно воскликнулъ студентъ, знаете что мы сейчасъ сдѣлаемъ—поѣдемъ въ пересыльную тюрьму,—тамъ мы навѣрное увидимъ и найдемъ настоящія человѣческія скорби.

Расторгуевъ улыбнулся, быстро поднялся съ своего мѣста, и, обнимая Алешу, радостно говорилъ:

— А и въ самомъ-дѣлѣ, ты прекрасную вещь придумалъ. Поѣдемъ, милый, поѣдемъ.

Было уже часовъ 10 вечера, когда Расторгуевъ и студентъ выѣхали изъ дома, направляясь къ тюрьмѣ, стоявшей на окраинѣ города.

Стояла тихая морозная ночь. Яркія звѣзды горѣли на небѣ. Улицы были оживлены такъ, какъ это бываетъ только наканунѣ великихъ праздниковъ. По всѣмъ направленіямъ торопливо шелъ и ѣхалъ городской людъ, нагруженный тѣми или др. покупками. Многіе торопились окончить свои дѣла, чтобы поспѣть къ заутрени.

Расторгуеву не трудно было попасть въ замокъ даже среди ночи: онъ былъ директоромъ и при томъ же такой особой, передъ которой самъ губернаторъ распахивалъ дверь.

Тюремный смотритель, удивленный такимъ необыкновеннымъ и „неурочнымъ“ посѣщеніемъ тюрьмы Расторгуевымъ, охотно предложилъ свои услуги сопровождать его, хотя почему-то совершенно смутился, когда послѣдній заявилъ, что онъ желаетъ посѣтить непремѣнно пересыльное отдѣленіе.

— Да извольте видѣть, Иванъ Кузьмичъ, партія пришла только часа три тому назадъ; грязные, есть и больные.

— Ничего, другъ мой, на то мы и пошли.... Намъ вотъ хотѣлось видѣть „несчастныхъ“ своими глазами, да узнать кто изъ нихъ самые несчастные, истинно несчастные.....

— Да вѣдь, если строго разсуждать, такъ вѣдь они всѣ несчастные.... всѣ, которые попали въ тюрьму....

— Нѣтъ,—стоялъ на своемъ Расторгуевъ,—въ пересыльной тюрьмѣ скорѣе можно встрѣтить тѣхъ, кого намъ нужно.....

Смотритель долго стоялъ съ широко раскрытыми глазами, а потомъ, рѣшительно махнувъ рукою, произнесъ:

— Ну, когда вы такъ хотите, такъ что же мнѣ?.... Пожалуйте.

И они всѣ трое двинулись черезъ дворъ въ пересыльное отдѣленіе.

Громадная камера была наполнена арестантами; многіе, не помѣщаясь на нарахъ, лежали подъ нарами и на полу. Атмосфера была пропитана копотью, грязью, потомъ и до такой степени была тяжела, что они, переступивъ порогъ, остановились въ нерѣшительности, какъ будто не зная—что имъ сдѣлать—идти дальше, или возвратиться назадъ. Но Расторгуевъ смѣло двинулся впередъ.

Позади послышалась команда: „вст-а-а-ать!“, при чемъ арестанты, за исключеніемъ спавшихъ, привычно повскакали съ своихъ мѣстъ.

Расторгуевъ, задыхаясь въ непривычной атмосферѣ, уже готовъ былъ въ душѣ отказаться отъ своей миссіи и возвратиться домой, оставивъ студента осуществить задуманный планъ, но поборолъ себя.

„Хоть двухъ-трехъ, но самъ порасспрошу“.... мысленно рѣшилъ онъ.

Но недолго пришлось ему осуществлять „свой планъ“, производить допросы о людскихъ страданіяхъ и горяхъ.....

Первый, къ кому подошелъ Расторгуевъ, былъ арестантъ высокаго роста, съ блестящими глазами, съ черной небольшой бородкой и съ цѣлой копной темныхъ волосъ, незнавшихъ долго гребня. Смотря на его изнуренное лицо, полное страдальческаго выраженія, покрытое толстымъ слоемъ грязи и копоти, трудно было опредѣлить его возрастъ.

Расторгуевъ хотѣлъ было что-то спросить, но на полусловѣ оборвалъ свою рѣчь. Отшатнувшись, онъ стоялъ молча и широко раскрывъ глаза, трясся всѣмъ тѣломъ. Арестантъ тяжело дышалъ, хватаясь за грудь, и, бросая кругомъ безпомощные взгляды, тихо шепталъ:

— Зачѣмъ это?.... Зачѣмъ.... еще разъ....

Студентъ, смотритель и сопровождавшая стража, растерянно смотрѣли на эту нѣмую сцену, не понимая въ чемъ дѣло.

Наконецъ Расторгуевъ, сдѣлавъ два шага впередъ, приблизился къ арестанту, схватилъ его за руку и порывисто тихо заговорилъ, наклоняясь къ его головѣ:

— Митя.... дорогой.... ты только скажи мнѣ.... ты вѣдь.... Митя?.... сынъ мой?.... Ну, скажи родной мой.... скажи....

Арестантъ качнулся то въ одну, то въ другую сторону, сдѣлалъ порывистое движеніе, какъ будто хотѣлъ вырваться, а потомъ чуть слышно произнесъ:

— Нѣтъ..... Нѣтъ у меня отца.... я безродный.... Уйдите отъ меня..... Уйдите.... Я безродный.....

— Митя..... теперь я слышу твой голосъ.... я узнаю его.....

И Расторгуевъ съ истерическими рыданіями опустился на колѣна.

— Митя.... прости.... Прости..... Мои долголѣтнія страданія искупили мой тяжкій грѣхъ..... Дорогой мой.... взгляни въ мою душу и.... ты простишь мнѣ..... Простишь, если не для стараго измученнаго отца, то ради Спасителя.... вновь родившагося для того, чтобы принести людямъ свѣтлую радость и счастье..... Митя.... Митя!....

И дальше Расторгуевъ не могъ ничего говорить отъ волненія, онъ обнималъ колѣна своего дорогого сына, который, опустившись на нары, беззвучно рыдалъ,

— Митя, Митя,—кинулся къ нему въ объятья студентъ,—развѣ ты не узнаешь меня?.... Митя.... прости же.... отца, обними.... обними.... развѣ ты не видишь, какъ онъ, бѣдный, истрадался.....

И.... Митя простилъ.....

Черезъ минуту онъ уже находился въ объятіяхъ отца.....

Долгое время въ пересыльной камерѣ слышались только сдержанный шопотъ и рыданія.....

Хотѣлось бы описать, что произошло вслѣдъ за описанной сценой, но перо не повинуется.....

Пусть читатель прислушается къ своему доброму и чуткому сердцу и оно скажетъ, что могъ пережить и перечувствовать Расторгуевъ, встрѣтивъ сына въ святую ночь.....

Въ двухъ словахъ передадимъ „конецъ“ нашего немудраго разсказа, предметомъ котораго было истинное происшествіе.

На обитателей пересыльной тюрьмы Энска въ эту святую ночь полилась самая широкая и щедрая помощь.

Въ ту минуту, когда раздался первый ударъ колокола, возвѣщающій міру о рожденіи Спасителя міра, обширный домъ Расторгуева, залитый огнями, принималъ въ свои объятія больного и измученнаго долгими страданіями „безроднаго сына“.....

В. С.

„На земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе"....

Пока это прекрасное, но чисто платоническое пожеланіе, которое однако на праздникѣ Рождества воплощается иногда въ дѣйствительность. Этотъ праздникъ, можетъ-быть потому, что по премуществу онъ праздникъ дѣтей, обладаетъ особой способностью смягчать нравы и дѣлать на время людей лучшими. Особенно живо это изображено въ рождественскомъ разсказѣ г. Нельсона Пэджа, напечатанномъ въ одномъ изъ американскихъ журналовъ.

Милліонеръ Бериманъ Ливингстонъ достигъ, повидимому, полнаго счастья: „онъ стоилъ,—по характерному выраженію янки,—столько то милліоновъ доларовъ". Занятый накопленіемъ своихъ милліоновъ, онъ дожилъ до 45 лѣтъ, не задумываясь надъ жизнью и не испытывая другихъ увлеченій, кромѣ увлеченій дѣлами. Но вотъ въ одинъ рождественскій сочельникъ, при вынужденномъ бездѣйствіи, онъ вдругъ точно очнулся и почувствовалъ себя страшно одинокимъ. Его роскошный палацо, съ серебромъ, хрусталемъ, дорогими картинами и вышколенными лакеями, показался ему роскошной гробницей, въ которой онъ заживо погребенъ съ его милліонами. Ему припомнилось далекое дѣтство, старикъ отецъ съ матерью, семейная елка и онъ затосковалъ. Онъ вспомнилъ, что въ это самое время его старшій клеркъ встрѣчалъ праздникъ въ своемъ маленькомъ домѣ, въ обществѣ жены и восьми ребятишекъ, рѣзвившихся вокругъ елки съ незатѣйливыми подарками. Милліонеръ не выдержалъ и, бросивъ свой роскошный палацо, побѣжалъ на эту дѣтскую елку, гдѣ сначала онъ всѣхъ собою стѣснилъ. Но это продолжалось недолго; ледъ скоро растаялъ; пробудившіяся въ милліонерѣ простыя и добрыя чувства скоро покорили ему всѣ сердца. Милліонеръ одарилъ своихъ юныхъ друзей лакомствами и игрушками, подарилъ ихъ родителямъ домъ и, не довольствуясь этимъ, объѣхалъ съ маленькой Китти нѣсколько дѣтскихъ больницъ и пріютовъ, гдѣ тоже сдѣлалъ многихъ счастливыми.

Не хлѣбомъ единымъ и даже не милліонами живъ человѣкъ.

МАТЬ.

О, мать родимая! ты много испытала.
Ты шла мучительной, тернистою тропой!
Ты—воплощеніе святого идеала
И я съ любовію склоняюсь предъ тобой.
Родная мать моя! ты рано поняла,
Что жить нельзя безъ горечи напрасной
И ты безъ ропота несла упорно, ежечасно
Тяжелый трудъ, лишенія, нужду....
И душу бодрую святая грѣла вѣра,—
Надежда въ лучшее—и ты его ждала.
Но счастіе надѣясь смѣло,
Ты не склоняла кроткаго чела!
И горько думать мнѣ, что эти ожиданья
Среди суетъ, заботы и трудовъ
Не оправдалися.. Одни, одни страданья
И днемъ и въ тишинѣ полуночныхъ часовъ!

* * *

Ты помнишь, мать, мучительныя ночи
У ложа моего несчастнаго отца?
О немъ полна заботъ и, не смыкая очи,
О немъ молила ты Всевышняго Творца,
Что-бъ прекратилъ Господь то время испытанья,
Что годы долгіе отецъ мой бѣдный несъ.
А я ребенкомъ былъ, и горечь дѣтскихъ слезъ
Заставила меня узнать уже страданья...
Какъ часто видѣлъ я недѣтскими глазами
Ту драму скорбную въ полуночной тиши
И рано для моей отзывчивой души
Сняла ты маску, жизнь, нарядную цвѣтами!

* * *

Напрасная борьба! ненужныя сомнѣнья!
Упорная тоска, упорныя стремленья
Чего-то жаждущей, тоскующей души!
Вы родились во мракѣ безпросвѣтномъ.
Но въ памяти моей, какъ цѣнный кладъ завѣтный
Вы сохранилися....

Зима.

Въ лѣсной глуши
Стоялъ нашъ домъ. Ты помнишь, дорогая,
Какъ въ вечеръ зимній, подъ напѣвъ мятели
Твою живую сказку слушалъ я
И дѣтскія мечты мои летѣли.
И было такъ уютно, такъ тепло..
То время чудное давно, давно прошло....
Я сохраню въ судьбѣ своей превратной
Воспоминанья лучшія мои,
И знай о, мать, что чувство нѣжное любви
Святымъ завѣтомъ будетъ жить въ моей душѣ...

К.

Старецъ Маркеллъ.

Въ тихой обители монахи исправно постились во всю Филипповку, съ особымъ прилежаніемъ удручая свою плоть по средамъ и пятницамъ. Старецъ Маркеллъ въ эти дни совсѣмъ не приходилъ къ братской трапезѣ. Его послушникъ, молодой, но весьма уже склонный къ духовному подвигу, Мисаилъ, подстерегалъ прохожденіе солнца по его небесному пути и какъ только оно перевалившись на Западъ, скрывалось за дальнимъ лѣскомъ, онъ бѣжалъ въ трапезную, бралъ кусокъ вчерашняго черстваго хлѣба, зачерпывалъ въ жестяную кружку холодной воды, и относилъ старцу Маркеллу, а старецъ Маркеллъ, помолившись Богу и попросивъ себѣ милости за грѣхъ, который онъ совершаетъ, подкрѣпляя бренную плоть, тогда какъ надлежитъ заботиться только о душѣ, задумчиво вкушалъ черствый хлѣбъ и запивалъ его водой.

У старца Маркелла борода была длинная и бѣлая. Она выросла и побѣлѣла здѣсь, въ стѣнахъ монастыря. Сюда онъ пришелъ такимъ же безусымъ юношей, каковъ теперь Мисаилъ, но монастырь былъ еще древнѣе его. На первыхъ шагахъ, еще, въ міру, жизнь оттолкнула его отъ себя своей суетностью, а люди своей жестокостью другъ къ другу и потомъ, глядя на жизнь и людей сквозь тяжелую чугунную рѣшотку, окружавшую монастырь, онъ никогда не видѣлъ ничего, кромѣ суетности и жестокости, и радовался въ душѣ своей тому, что вовремя убѣжалъ оттуда, не успѣвъ погрузиться въ суетность жизни и совершить жестокость противъ ближняго.

Благочестивые монахи уважали его, но и боялись. Уважали они его за то, что онъ жилъ такъ, какъ имъ надлежало бы жить: постился, молился, прощалъ обиды и не вмѣшивался въ суету будничной монастырской жизни Онъ былъ украшеніемъ монастыря и многіе благочестивые міряне посѣщали монастырь и жертвовали только потому, что тамъ жилъ старецъ—Маркеллъ.

А боялись они его оттого, что, хотя онъ никогда ни единымъ словомъ не укорилъ кого-либо изъ братіи, но сама жизнь его—чистая, ясная, безупречная, была для нихъ укоромъ.

Наканунѣ Христова Рождества, послѣ вечерней службы и по захожденіи солнца, братія собралась въ трапезной и всѣ вкушали кутью, согласно правиламъ благочестія. Игуменъ разрѣшилъ малую толику вина и елея, и трапеза происходила въ тишинѣ и благолѣпіи, потому что все же еще былъ постный день.

И всѣ видѣли, что послушникъ Мисаилъ, несмотря на то, что солнце уже зашло, не спѣшилъ отнести своему старцу немного пшеничной кутьи съ медовымъ сокомъ, что было дозволено игуменомъ и что разрѣшаетъ себѣ всякій христіанинъ.

— А что же дѣлаетъ твой старецъ?—спрашивали монахи у Мисаила.

— Стоитъ на молитвѣ!—отвѣтилъ Масаилъ съ благоговѣніемъ, потому что онъ всей душой уважалъ старца Маркелла.

— Какъ? Неужели онъ и нынѣ, когда даже самъ отецъ игуменъ разрѣшилъ малую толику вина и елея, не снизойдетъ до того, чтобы раздѣлить трапезу съ братіей?

Монахи не высказывали своего недовольства, но въ душѣ они сомнительно думали о старцѣ Маркеллѣ. Нѣтъ, это ужъ черезчуръ. Ужъ онъ хочетъ даже и святыхъ превзойти въ благочестіи. Не значитъ ли это величаться передъ людьми и передъ Богомъ своими заслугами? Не совершаетъ ли онъ, вмѣсто подвига, грѣхъ?—Такъ думали монахи, но молчали, потому что боялись своимъ ропотомъ согрѣшить наканунѣ такого великаго дня.

А старецъ Маркеллъ дѣйствительно въ этотъ день постился больше, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни поста, и стоялъ на молитвѣ до поздней ночи, пока старческія силы не измѣнили ему. Тогда онъ легъ на твердое ложе, сколоченное изъ трехъ досокъ и прикрытое ряденцемъ, и уснулъ.

Это ложе служило ему съ того самого дня, когда онъ юношей поступилъ въ монастырь. Монахи, у которыхъ, по причинѣ бренности плоти, были кровати, набитые сѣномъ тюфяки и подушки, говорили ему: —Мы спимъ на простыхъ досчатыхъ кроватяхъ и на грубыхъ тюфякахъ, набитыхъ сѣномъ. Неужто мы этимъ совершаемъ грѣхъ?

— Нѣтъ, братіе, грѣха вы тѣмъ не совершаете!—отвѣчалъ имъ старецъ.

— А если такъ, то для чего же ты изнуряешь себя, почивая на трехъ доскахъ, прикрытыхъ однимъ лишь ряденцемъ?

— А это я дѣлаю для корысти!—говорилъ старецъ.

— Какая же въ этомъ можетъ быть корысть, старче?

— А такая корысть, что ежели я нынѣ сплю на трехъ доскахъ, а когда помру, то гробъ мнѣ сколотятъ изъ четырехъ досокъ, то выходитъ, что тогда я буду на одну доску богаче. А какъ сія жизнь есть кратковременная, въ гробу же тѣло мое почивать будетъ до самого второго пришествія, то выходитъ, что я въ прямой буду выгодѣ, братіе мои!

Такъ шутилъ старецъ Маркеллъ, и монахи ничего не могли отвѣтить на эту шутку.

На утро, когда наступилъ праздникъ Христова Рождества, монахи пришли къ обѣднѣ въ новыхъ праздничныхъ одеждахъ, подпоясанныхъ блестящими, хорошо вычищенными ремнями, а когда взглянули на то мѣсто, гдѣ обыкновенно стоялъ и молился старецъ Маркелъ, то были удивлены несказанно. Старецъ былъ въ самой плохой одеждѣ, испещренной дырами, и видъ у него былъ еще мрачнѣе того, какой бывалъ въ постные дни. И многіе изъ братіи даже соблазнились о немъ:—Какъ же такъ?—думали они:—нынче такой радостный день, Христосъ родился отъ Дѣвы, вся земля ликуетъ и ангелы на небѣ поютъ хвалу Господу,—а старецъ Маркеллъ въ рубищахъ и видъ имѣетъ угрюмый! Ой, не черезъ мѣру ли онъ похваляется передъ Богомъ? Не искусилъ ли его гордостью лукавый?..

Такъ думали и говорили между собой монахи. А послѣ обѣдни, когда всѣ собрались за трапезой и разговлялись молочнымъ яденіемъ, обильно, но въ мѣру возливая вино и елей, увидѣли, что не токмо старца Маркелла нѣтъ между ними, но что послушникъ Мисаилъ, вмѣсто молочнаго яденія, вмѣсто вина и елея, несетъ ему кусокъ черстваго хлѣба и холодную воду въ жестяной кружкѣ.

И вновь, еще больше прежняго соблазнилась братія о старцѣ Маркеллѣ и даже многіе обратились къ игумену:—Или мы, разговляясь молочнымъ яденіемъ и возливая вино и елей, какъ положено по чину монашескому, грѣхъ сотворяемъ?

Игуменъ успокоилъ ихъ, указавъ на то, что и самъ онъ не отказываетъ себѣ въ томъ же, и, узнавъ о странномъ постничествѣ старца Маркелла, тоже предался недоумѣнію.

Тогда выбрали изъ среды братіи самыхъ почтенныхъ, у которыхъ, какъ и у старца Маркелла, тоже были бѣлыя бороды, хотя и не столь длинныя, и послали ихъ къ старцу, чтобы поговорить съ нимъ.

Почтенные монахи пришли и увидѣли старца Маркелла въ уныніи и спросили его. —Братъ Маркеллъ! Почто унываешь и изнуряешь себя постничествомъ въ тотъ день, когда родился Христосъ, и на землѣ водворился миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе?—

И отвѣтилъ имъ старецъ Маркеллъ:—Любезные братіе, чѣмъ спрашивать меня, лучше пойдите туда, за монастырскую рѣшотку, и посмотрите, что дѣлается въ мірѣ... Когда увидите, то и спрашивать не будете.—

И пошли почтенные монахи за монастырскую рѣшотку и стали смотрѣть, но ничего не увидѣли. И вернулись они къ старцу Маркеллу и сказали ему:—Старче, міръ великъ и простирается онъ далеко-далеко отъ предѣловъ нашего монастыря. Гдѣ тутъ что нибудь увидѣть?—

И старецъ Маркеллъ понялъ, что они дѣйствительно ничего не могли увидѣть, и сказалъ имъ:—Вы не видите, а я вижу. Говорите вы, что Христосъ родился,—это святая правда. И еще сказали вы, что на землѣ сдѣлался миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. А я вижу, что на землѣ мира нѣтъ и никогда его не было, а въ человѣцѣхъ—вражда и озлобленіе. Смотрите вонъ тамъ въ далекой дали, въ нѣкоторомъ царствѣ, сильный народъ впился когтями въ слабый и истязаетъ его. Всмотритесь еще: тамъ, чуть-что не на краю свѣта, люди христіанскіе, кои обязаны давать образецъ братолюбія, сдираютъ кожу съ язычниковъ. Глядите кругомъ: всѣ грызутъ друга друга, каждый норовитъ вырвать у ближняго заработанный имъ кусокъ хлѣба чтобы самому съѣсть, не заработавъ. И слѣдственно, нѣтъ на землѣ мира, и нѣтъ благоволенія въ человѣцѣхъ. А есть вражда, злоба, зависть, корысть и братоненавистничество. Такъ чего же мнѣ радоваться, для чего возливать вино и елей, когда вижу, что даже сошествіе на землю и рожденіе отъ Дѣвы Самого Сына Божія не устыдило моихъ братьевъ—людей и не сдѣлало ихъ лучшими?—

И почтенные сѣдобородые монахи потупили взоры и отошли отъ него въ смущеніи.

(„Россія")

* * *

Извѣдалъ съ дѣтства я суровое несчастье
И жизни мой челнокъ подъ бурями несло
Одна лишь вѣра имъ, какъ лоцманъ, управляла;
Той вѣрою одной я и дышалъ, и жилъ;
Она меня въ страданьи укрѣпляла
И, точно мать, моимъ слезамъ внимала.
Съ надеждой на нее безъ трепета я плылъ
По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ буря бушевала
И вѣтеръ злой голоднымъ звѣремъ вылъ...
Она, какъ звѣздочка, мерцаетъ надо мною,—
Мелькнетъ, порадуетъ и освѣтитъ мой путь....
Какъ счастливъ я бываю той порою:
Ничтожны бури мнѣ,—смѣюсь я надъ грозою,—
Смѣюсь надъ ней безсильною и злою,
Могущей лишь челнокъ мой въ морѣ колыхнуть ...
Не тухни жъ надо мной священная звѣзда,
Не оставляй пловца во мракѣ среди бури,
Свѣти въ его душѣ, какъ свѣтишься въ лазури,
И будь ему могучею опорою всегда!

И. Сам—овъ.

Святки въ народной Руси.

Въ большихъ, охваченныхъ измѣнчивымъ теченіемъ жизни, городахъ съ каждымъ годомъ все явственнѣе и неумолимѣе сказывается и въ обычаяхъ вседневнаго житейскаго обихода безпощадная работа всестлаживающаго времени. Въ народной же Руси, неоглядномъ просторѣ затонувшихъ въ поляхъ и лѣсахъ селъ-деревень, памятливыхъ къ завѣтамъ дѣдовской старины, еще до сихъ поръ живы стародавнія преданія сѣвернаго прошлаго. На этихъ преданіяхъ, какъ на незыблемыхъ устояхъ, держится нерушимая преемственная связь поколѣній народа-пахаря живущаго на родныхъ мѣстахъ щедротами скупой на ласки земли-кормилицы. Причудливые цвѣты этихъ живучихъ преданій ярче всего разцвѣтаютъ на широкихъ поляхъ своеобразнаго крестьянскаго быта—въ время рождественскихъ Святокъ. Приходятъ эти дни на свѣтло-русскій просторъ,—приводятъ за собою пестро-изукрашенную шумливую свиту самобытныхъ сказаній: смотрятъ они въ жизнь современнаго крестьянина зоркимъ-проникновеннымъ взглядомъ былого-минувшаго. Идутъ, ведутъ привычную рѣчь Святки въ кругу своей свиты; слѣдомъ за ними спѣшатъ, впередъ забѣгаючи—пѣсни святочныя, подблюдныя, хоровыя, игорныя; о-бокъ съ пѣснями, подъ ихъ переливчатый серебряный звонъ справляются игры веселыя-утѣшныя,—не перечесть, не перепѣть, не припомнить всѣхъ ихъ сразу! Но пѣсни—пѣснями, игры—играми; кромѣ нихъ, красны Святки тѣмъ, что словно воскресаетъ объ ихъ пору и вѣщая старина гаданій, обступающая эти праздничные дни призрачными тѣнями таинственнаго-невѣдомаго. Перекидывается пережитками древнеязыческаго славянскаго суевѣрія зыбкій мостъ съ пологихъ береговъ современности къ горнымъ отрогамъ затуманившагося былого позднихъ потомковъ богатыря крестьянствовавшаго въ сѣдую старь на Святой Руси, любимаго сына Матери-Сырой-Земли, Микулы-свѣта-Селяниновича. И любо стоять на этомъ мосту надъ темной бездною смѣняющихся одинъ другимъ временъ живущему жизнью природы прирожденному рабу потового страднаго труда: чуткое къ вѣщимъ голосамъ старины сердце пахаря бьется все тѣмъ же стихійнымъ біеніемъ, что и тысячу лѣтъ тому назадъ—въ груди его отдаленнѣйшаго предка-пращура.

Святки время отъ Рождества Христова вплоть до Крещенья, съ 25-го декабря по 6-е января: «двѣнадцать денъ святые вечера на Руси живутъ»—по народному изустному мѣсяцеслову,—«на тринадцатый—отданье Святокъ». О томъ, какъ подготовляется пахарь-хлѣборобъ ко встрѣчѣ этихъ завѣтныхъ дней-вечеровъ, какъ встрѣчаетъ и проводитъ онъ великій день Рождества, былъ уже своевременно особый сказъ въ настоящихъ очеркахъ народной Руси на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника" (см. 1899 1900 г.г.). „Придетъ, по словамъ святочной пѣсни-колядки, «Коляда накануне Рождества», пайдутъ молодые деревенскіе колядовщики ее на дворахъ у торовагыхъ хозяевъ, прославятъ Христа, почествуютъ и старинную, совершенно утратившую для нихъ символическое значеніе, „Коляду", и хозяевъ съ хозяюшками, соберутъ съ нихъ посильную дань—про запасъ на «святые вечера» «Уродилась коляда накануне Рождества за горою за крутою, за рѣкою за быстрою»—идутъ-поютъ они по подъ-оконью: „За горою за крутою, за рѣкою за быстрою стоятъ лѣса дремлючіе, во тѣхъ лѣсахъ горятъ огни, огни горятъ пылающіе. Вокругъ

огней люди стоятъ, люди стоятъ—колядуютъ..." Льется пѣсня, словно изъ далекихъ далей сѣдой старины, всплываетъ по-надъ деревнею и вдругъ переходитъ въ другой, уже болѣе близкій къ современности напѣвъ—въ-родѣ:

„Коляда, коляда!
Ты подай пирога,
Или хлаба ломтину,
Или денегъ полтину.
Или курочку съ хохломъ,
Пѣтушка съ гребешкомъ,
Или сѣна клокъ,
Или—вилы въ бокъ!.."

И опять вливается колядный напѣвъ въ прежнее, величавою стариной прорытое, русло пѣсенное: „Еще ищутъ ребята Государева двора",—звенятъ, переливами плывутъ молодые голоса: „Государевъ-то дворецъ середи Москвы стоитъ, середи Москвы, середь ярманки. А вокругъ его двора стоитъ желѣзный тынъ, а на каждой тычинкѣ по маковкѣ,—что по маковкѣ и по золоту кресту. А самъ-то Государь, какъ свѣтелъ мѣсяцъ, взошелъ, а сама-то Государыня—какъ утренняя заря, малы дѣточки—часты звѣздочки. Самъ-то Государь на крылечко выходилъ, на крылечко выходилъ и по рублику дарилъ, а сама-то Государыня по полтинѣ дарила, малы дѣточки—по копѣечкѣ..." Одна пѣсня переливается въ другую, что волна въ волну, и плывутъ-плывутъ онѣ—рѣка-рѣкой—по простору свѣтло-русскому... Пройдетъ-минуетъ первый день праздника, а тамъ ужъ и пѣсенки подблюдныя запѣваются, зачинаются игрища затѣйныя. Не успѣютъ отдохнуть отъ предпраздничной суеты своей люди степенные, хозяйственные, какъ уже донесется до ихъ утомленнаго слуха молодая святочная запѣвка веселая:

„Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли:
Святые вечера, Святки-игрища.
Ой, Святки мои, святые вечера!
Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!
Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!..
Всѣ мои подружки на игрища пошли,
На игрища пошли—на святые вечера,
А меня, молоду, свекоръ не пустилъ,
Заставляетъ меня дѣло дѣлати.
Дѣло дѣлати—овинъ молотить.
Одинъ овинъ молотить, другой посадить.
Я овинъ молочу и другой посажу,
Другой посажу, цѣпы въ печь помечу,
Цѣпы въ печь помечу да на улицу пойду...
Ой, Святки мои, святые вечера!
Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!
Ой, Дидъ! Ой, Лада моя..!"

„Дѣлу время, потѣхѣ—часъ!"—говоритъ русскій народъ-краснословъ. Но не ради одного краснаго, меткаго образностью, словца связалъ онъ въ приведенной запѣвкѣ пѣсенъ святочныхъ праздничное веселье съ подневольнымъ трудомъ, да еще въ такомъ неприветно-суровомъ сопоставленіи: подсказала все это угрюмая трудовая жизнь, отъ впечатлѣній которой не такъ-то легко освободиться-оторваться даже и въ красные весельемъ праздничные „святые вечера". Въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, эта любопытная въ бытовомъ отношеніи, знакомая и многимъ другимъ мѣстамъ необъятной родины народа-пѣснотворца, пѣсня записана въ совершенно иномъ разнопѣвѣ-разносказѣ,—хотя внутренній смыслъ ея остается неизмѣннымъ. «Мимо нашего села, мимо свекрова двора, что ни въ гусельки играютъ, ни въ свирѣль говорятъ, говорятъ—мои подруженьки на игрища пошли, на святые вечера»,—заводится-запѣвается она тамъ и продолжается на тотъ же ладъ: «а меня, младу-младешеньку, свекоръ не пускаетъ. Какъ заставилъ свекоръ-батюшка гумно грести, какъ гумно грести, все метлой мести...» Какъ и въ предыдущемъ разносказѣ, не приходится такое праздничное занятіе по-сердцу молодушкѣ. „Ужъ я въ сердцѣ войду",—говоритъ она,—„разсердитоваюсь, ужъ гумно-то я стопчу, я метлу-то изломлю, а сама, млада-младешенька на игрища пойду"... Во второй половинѣ пѣсни ведется разсказъ о томъ, какъ не пускаетъ молодушку «свекровь-матушка»—заставляетъ „красна дотыкать". И къ тканью не лежитъ душа красавицы, слуху сердца которой такъ приманчиво „гусельки играютъ, свирѣль говоритъ":—«Ужъ я въ сердце-то войду, разсердитоваюсь: я красна-то изорву, я челнокъ-то залукну, а сама, млада-младешенька, на игрища пойду!» вырывается изъ жаждущей веселья-радости груди, вдосталь натруженной всякою работой въ предпраздничную пору буднюю. Этимъ протестующимъ крикомъ молодой жизни и заключается пѣсня—запѣвка святочная, ведущая по своимъ слѣдамъ длинный рядъ другихъ, уже не затуманиваемыхъ тяжелой памятью будничнаго быта крестьянскаго, не смущаемыхъ никакими призраками невеселаго житья-бытья. Полны эти пѣсни самаго жизнерадостнаго чувства, дышатъ онѣ волей-удалью, говорятъ о такомъ подъемѣ духа, которому нипочемъ никакая память тяжкая-угрюмая. «Ой, выду я, выду на широкую улицу!»—слышится этотъ высокій, захватывающій народную душу, подъемъ въ записанной Вс. Ѳ. Миллеромъ курской-фатежской святочной пѣснѣ: «Стану я, стану я подъ Царь-городъ каменный; скину я, скину я съ руки перстень золотой, вдарю я, вдарю я золотымъ кольцомъ объ стѣну. Ой, разобью, разобью Царевъ городъ каменный; ой, выпущу, выпущу три щеголя молодыхъ—ой, щеголекъ, щеголекъ! Щегольнокъ Васильюшка! Бѣленькій, хорошенькій Василій Ивановичъ!» Затѣмъ, рѣчь пѣсенная ведется къ дѣвушкѣ красной, то конецъ допѣвается такъ: „Ой, выпущу, выпущу три щеголки молодыхъ. Щеголка, щеголка—щеголка Прасковьюшка (или—иное имя), бѣлая, хорошая, Парасковья Андреевна!" Въ заключеніе—договаривается къ этому: „Хорошо деревцо—Васильюшка женится, беретъ себѣ дѣвушку, беретъ себѣ красную (имя рекъ)".. Такимъ образомъ, какъ и въ огромномъ большинствѣ другихъ пѣсенъ, все дѣло сводится къ свадьбѣ—судьбѣ молодыхъ поколѣній народной Руси. Святочныя пѣсни едва-ли не болѣе всякихъ иныхъ близки къ свадебному циклу образцовъ русскаго пѣснотворчества. Они являются какъ бы запѣвкой къ тѣмъ, но только запѣвкою, не дающей и тѣни понятія о глубоко скорбной драмѣ, которая звучитъ въ свадебныхъ пѣсняхъ. Это—полная жизнерадостныхъ надеждъ, воспѣвающая цвѣтъ жизни красоту и молодость, поэтическая прелюдія житейской прозы. Изъ заколдованнаго круга послѣдней нѣтъ пути-дороги посельщинѣ-деревенщинѣ, поставленной условіями своего быта въ неизбѣжную необходимость жить вѣковѣчной думою о трудно достающемся хлѣбѣ насущномъ, который для пахаря-хлѣбороба солонъ и безъ соли—по его-же крылатому, переживающему вѣкъ за вѣкомъ слову.

„Суженый-ряженый"—главное звено цѣпи святочныхъ пѣсенъ,—безъ мысли о немъ ни на шагъ онѣ. Сходятся на первое святочное игрище-сборище люди добрые, первымъ-наперво заводятъ степенныя пѣсни «подблюдныя»—вокругъ опрокинутаго блюда съ положенными подъ нимъ кусочками хлѣба, узелками съ солью, землею, угольками и разными мелкими вещицами—въ родѣ колецъ, ключей и т. д. Вслѣдъ за каждою пѣснею вынимаютъ красныя дѣвицы и парни-молодцы изъ-подъ блюда: «что вынется—не минется»—по народному изреченію. Кольцо вынется—къ скорой свадьбѣ, земля—къ смерти, уголекъ—къ пожару, соль—къ раздорамъ, ключи—къ доброму хозяйству и т. п. Первая подблюдная пѣсня хлѣбу поется—„добрымъ людямъ на услышаніе, старымъ людямъ на потѣшеніе"; въ ней еще нѣтъ рѣчи о суженыхъ-ряженыхъ. Второю, обыкновенно, запѣвается:

«Каталося зерно по бархату,
Слава!
Еще-ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту.
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Слава!

Въ слѣдующихъ—пѣсенное народное слово то обращается къ идущему изъ кузницы, несущему три молота, кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ! Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ, и новъ, изъ остаточковъ золотъ перстень, изъ обрѣзочковъ булавочку. Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися, мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися, мнѣ тою булавочкой убрусъ притыкать!..» То оно воспѣваетъ «сокола» съ «голубушкой», летящихъ изъ разныхъ улицъ: «...слѣталися, цѣловалися, сизыми крыльями обнималися",—ведетъ оно свой сказъ и заканчиваетъ: „ужъ и мнѣ добрые люди дивовалися, слава! Какъ соколъ съ голубушкой уживалися, слава!" Не только изъ вольнаго царства крылатаго беретъ свои сравненія святочная-подблюдная пѣсня, но—словно вторя сказкѣ—даже изъ растительной лѣсной понизи. Такъ, напримѣръ, поется о Святкахъ и такая пѣсня немногословная—для своихъ исполнителей и слушателей:

„Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку.
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню"...

Не чуждаются сидящіе вокругъ блюда святочные пѣсенники и любезнаго русскому сердцу безо иднаго народнаго юмора. „Лѣнивая лѣнивица, слава!"—можно и теперь услышать записанную еще въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, вошедшую въ пѣсенное собраніе И. П. Сахарова, пѣсню: „Лѣнилася она, слава! Часто по-воду ходить, слава! Она таяла снѣгъ, слава! На печномъ столбу, слава! Она вытаяла, слава! Золотъ перстень, слава! Золотъ перстень, слава! О трехъ ставочкахъ, слава!" Въ заключеніе, въ пѣснѣ задается столь обычный въ святочномъ пѣснословіи вопросъ: „Да кому тѣмъ перстнемъ обручатися?" Не замедлитъ народъ-пѣснотворецъ и съ надлежащимъ, не подверженнымъ никакому сомнѣнію, отвѣтомъ: „Обручаться отроку съ отроковицею, слава! Еще молодцу со дѣвицею, слава!" Въ другой, тоже святочной-подблюдной, пѣснѣ «золотъ перстень» не дѣвица-лѣнивица вытаиваетъ изъ снѣга на печномъ столбу, а выкапываетъ «курочка-погребушечка» изъ заваленки. Гораздо болѣе смѣлыми словами говорятъ такія, по всей вѣроятности—позднѣйшаго, сравнительно, происхожденія, пѣсни, какъ, напримѣръ: „Покачу я колечко кругомъ города, слава! А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду, слава! Я сама пойду, суженаго найду, слава!" или: «Пойду, млада, къ верeюшкѣ; брякну, млада, во коле...

...ко. Какъ колечко скажется, такъ и ми...кій откликнется!» и т. п. Въ нихъ уже ...дится до извѣстной степени самостоя...ный голосъ русской женщины, сбрасы...щей съ себя вѣковое ярмо неумолимаго ...на-обычая безпрекословнаго подчиненія ...волу родительской власти, встарину ...жавшей красную дѣвицу на житье-бытье ...мычное съ невѣдомымъ ей чужаниномъ. ...хотя открыто и не противится роди...ской власти, хотя и не можетъ обойтись ...столь важномъ дѣлѣ безъ родительскаго ...сословенльица, но стремится уже сама ...ти своего суженаго, словно наученная ...кимъ опытомъ предшественницъ. Та-же ...ая мысль повторяется и въ слѣдующей, ...занной съ гаданіемъ, пѣснѣ:

«За столомъ сижу, слава!
Я на чашу гляжу, слава!
Я петернею вожу, слава!
Золото кольцо ищу, слава!
Я еще посижу, слава!
Я еще поволжу, слава!
Я суженаго найду, слава!

Какъ не похожи эти пѣсни на тѣ, что ...шатся, ручьемъ текутъ, рѣкою слезной ...ливаются на свадебныхъ сговорахъ! Нѣтъ ...одства у нихъ и съ тѣми, что «семейны...» прозываются, горе-горькимъ бѣдованье...ъ на чужедальней сторонѣ, во немилой ...ьѣ самой жизнью-мачехой подсказаны. ...тѣхъ стонетъ-плачетъ темное горе, въ ...ихъ—откликается чуткимъ сердцамъ ра...сть свѣтлая-веселая, по самому имени ко...рой и прозвали наши предки свадьбу «ве...льемъ-радостью». Пѣсенное слово народ...е допускаетъ о Святкахъ и такое яркое ...поставленіе, какъ, напримѣръ: «Ужъ какъ ...небѣ двѣ радуги, а у богатаго мужика ...ѣ радости; что первая-то радость—сына ...нитъ, что другая-то радость—дочь замужъ ...даетъ. Ужъ какъ за сыномъ то корабли ...гутъ, слава! А за дочерью сундуки везутъ, ...ава!»

Отъ подблюдныхъ пѣсенъ степенныхъ со...ирающіеся на святыхъ вечерахъ перехо...тъ къ «игорнымъ», разсыпающимся бо...е частой дробью, переливающимся болѣе ...ыстрой волною. Сопровождаются эти пѣсни ...грами, а съ этими послѣдними почти все...да неразлучна и пляска—исконная утѣха ...ердца народнаго. Вездѣ, гдѣ бы ни собра...ись на святочную вечеринку-бесѣдку дѣ...ушки красныя съ добрыми молодцами—...сюду первѣе раньше всѣхъ другихъ игор...ыхъ зародится-запѣвается завѣтная пѣсня, ...оторую слышали въ своихъ стѣнахъ еще ...ерема первыхъ царей московскихъ, куда ...на проникла изъ народной Руси черезъ ...нянюшекъ-мамушекъ да сѣнныхъ дѣвушекъ:

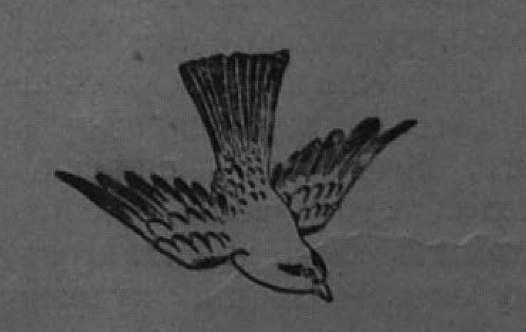
„Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ...
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину...
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ персыпаючи.." и т д.

Во время исполненія этой пѣсни, по рукамъ у сидящихъ въ горницѣ дѣвушекъ передается колечко, которое и должно найти, угадать, у кого оно,—та, на чью долю придется ходить передъ поющими подружками. Угадаетъ—садиться ей на мѣсто той, въ чьихъ рукахъ застанетъ ея отгадку „золото", а той—ходить вмѣсто нея. „Ахъ вы кумушки, вы голубушки!" —упрашиваетъ новая искательница золотого перстенька, дѣвица красная: «Вы, скажите, не утайте, мое золото отдайте; меня мати хочетъ бити, по три утра, по четыре, по три прута золотые, четвертымъ жемчужнымъ!»—«Еще дѣвицы гадали, еще красныя гадали да не отгадали!»—отвѣчаетъ ей молодой хоръ звонкихъ-заливныхъ голосовъ и подхватываетъ съ новой силою: «Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину, въ черную смородину!»,—но только добавляя на этотъ разъ, что «очутился перстень да у боярина, да у молодого, на правой на ручкѣ, на маломъ мизинцѣ!..» Пѣсня повторяется до тѣхъ поръ, пока не надоскучитъ молодежи и не смѣнится другою, за которою недалеко ходить чуткимъ пѣсенникамъ съ пѣсенницами въ веселые святые вечера.

Пѣсня за пѣсней, игра—за игрой; а подъ окошкомъ уже слышенъ скрипъ снѣга, раздаются веселые голоса, звенитъ смѣхъ, тренькаетъ балалайка. Идутъ ряженые—желанные гости „святыхъ вечеровъ": не обходится безъ нихъ веселье святочное.

Когда завелся на Руси этотъ, несомнѣнно занесенный изъ чужихъ земель, обычай—въ точности неизвѣстно. Но еще въ XV вѣкѣ справлялся онъ въ народѣ, а въ XVI—XVII возставали противъ него церковные проповѣдники. О распространенности святочнаго ряженья въ русскомъ народѣ оставили свои свидѣтельства и странные заѣзжіе описатели Московіи—Герберштейнъ и Адамъ Олеарій. Послѣдній, повѣствуя о своихъ московскихъ впечатлѣніяхъ, расказываетъ, между прочимъ, и про то, какъ по улицамъ Бѣлокаменной бѣгали ряженые. Благочестивымъ старымъ людямъ, суровымъ блюстителямъ буквы закона христіанскаго обычай этотъ казался „бѣсовской потѣхою". Да и сами справлявшіе его не были чужды послѣдняго мнѣнія и считали непремѣннымъ долгомъ „смыть грѣхъ" въ освященныхъ водахъ крещенской іордани-проруби. Еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ необъятнаго простора свѣтлорусскаго можно видѣть въ день Крещенія Господня купающихся въ этой проруби совершающихъ „ отданіе Святокъ ", несмотря ни на какой морозъ: это—все тѣ, кто, поддаваясь веселому соблазну „тѣшилъ бѣса" о Святкахъ—т.-е. надѣвалъ маску-личину („харю поганую"—по выраженію стариковъ, позабывшихъ о своей молодости). Ряженіе святочное къ настоящему времени до такой степени слилось съ понятіемъ о присущихъ этимъ веселымъ днямъ обычаяхъ, что даже самое слово переряживаться зачастую замѣняется въ народѣ какъ-бы тождественнымъ съ нимъ по своему значенію словомъ „святошничать".

(Окончаніе будетъ).

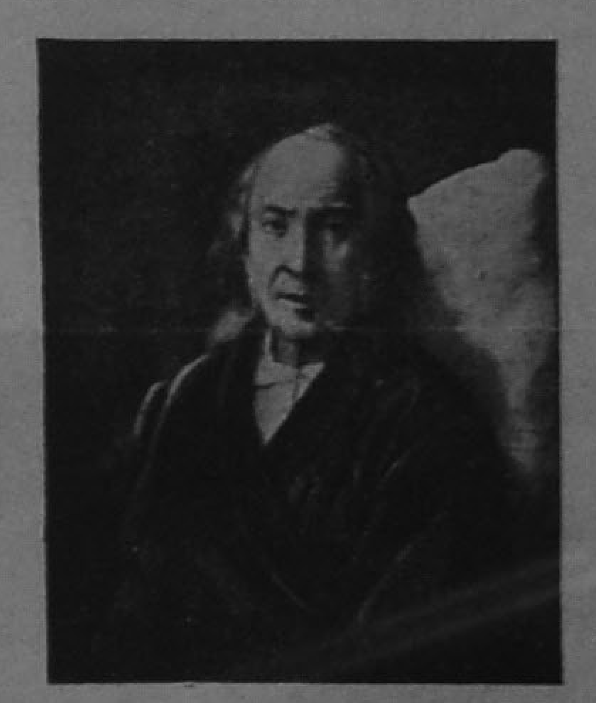

Ступинская школа въ Арзамасѣ.

(Историческій очеркъ.)

(Посвящается графу И. И. Толстому).

Художественное образованіе въ Россіи стало на болѣе или менѣе правильную и самостоятельную почву лишь въ концѣ XVIII столѣтія. Учрежденіе въ 1764 году Академіи художествъ въ Петербургѣ, посвященной Екатериною II «свободнымъ художествамъ», подняло значеніе художественнаго образованія на должную высоту, и Академія очень долгое время была единственнымъ въ Россіи разсадникомъ прошедшихъ правильную школу живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и проч. «свободныхъ художниковъ». Но значеніе ея въ исторіи русскаго искусства, конечно, не исчерпывается лишь подготовленіемъ къ художественному поприщу своихъ учениковъ. Заслуга Академіи предъ русскимъ обществомъ гораздо значительнѣе: шагъ за шагомъ, постепенно она провела въ интиллигентную жизнь, а затѣмъ отчасти и въ народную, понятіе объ искусствахъ, которымъ посвящена ея дѣятельность. Эта заслуга такъ рельефна, какъ и всякое дѣло, идущее незамѣтными, тихими, но систематическими шагами, и тѣмъ не менѣе, если взглянуть на современное намъ развитіе художествъ и художественнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и обратиться къ исторіи развитія у насъ этихъ художествъ или къ исторіи проникновенія въ массы художественнаго образованія, къ исторіи созиданія художественныхъ школъ, художественныхъ музеевъ, выставокъ и т. д., то нельзя не поставить, въ концѣ-концовъ, родоначальницей всего этого Академію художествъ. Изъ нея исходили дѣятели на поприщѣ „свободныхъ искусствъ", изъ нея вышли плеяды нашихъ всемірно извѣстныхъ художниковъ и почти только она давала указанія, поддержку и

А. В. Ступинъ.

поощреніе всѣмъ, кто вносилъ свою лепту на скромный алтарь русскаго художественнаго образованія.

Но цѣль очерка моего не есть желаніе прослѣдить или выяснять значеніе Академіи въ дѣлѣ, которому посвятила она свои труды и заботы. Я лишь хотѣлъ вышеприведенными словами оттѣнить то обстоятельство, что говоря о какомъ-либо художникѣ или о какомъ-нибудь художественномъ предпріятіи, нельзя въ то-же время не касаться родоначальницы и руководительницы „свободныхъ художествъ" и всего находящагося въ связи съ ними—Академіи художествъ. Вотъ почему, желая дать читателямъ небольшой очеркъ относительно перваго въ Россіи частнаго художественнаго учебнаго заведенія, на основаніи немногихъ имѣющихся предо мною документовъ,—я неизбѣжно долженъ былъ начать съ Академіи и принужденъ продолжать свое повѣтствованіе на канвѣ ея же дѣйствій и отношеній къ этому учебному заведенію. Теперь, когда русское художественное образованіе стоитъ въ сравнительно широкихъ рамкахъ, когда въ Россіи завелось не мало и художественныхъ школъ и художественныхъ музеевъ, когда къ этимъ учрежденіямъ приложены въ значительномъ объемѣ и частная инииціатива и частные капиталы,—связь этихъ школъ, связь дѣятелей на художественномъ поприщѣ и даже самихъ художни-

ковъ съ Академіей значительно ослабла; какъ въ каждомъ окрѣпшемъ и ставшемъ на свои ноги дѣлѣ является самостоятельная и даже специфическая дѣятельность, такъ и въ дѣлѣ развитія художествъ и художественнаго образованія въ Россіи, особенно за послѣдніе 25—30 лѣтъ, явилась собственная независимая жизнь, явились собственные взгляды на искусство, явились кружки художниковъ и дѣятелей, не идущихъ рука объ руку съ Академіей и даже какъ бы враждующихъ съ ней. Обстоятельство это доказываетъ лишь, что младенческій, если можно такъ выразиться, періодъ художественнаго образованія въ Россіи миновалъ и ребенокъ, сбросивъ помочи, на которыхъ ходилъ, пошелъ по стезѣ своего художественнаго труда самостоятельно. Правильною ли дорогою, или путемъ ложнымъ—это вопросъ иной и до насъ не касающійся.

Но въ то время, которая касается мой очеркъ,—самаго начала XIX столѣтія—связь художниковъ съ Академіей художествъ, какъ по ихъ образованію, такъ и по дальнѣйшей художественной дѣятельности, была не разрывна. Все исходило изъ Академіи, все ею санкціонировалось и все въ нее возвращалось. Такъ и первое художественное частное учебное заведеніе—художественная школа А. В. Ступина въ городѣ Арзамасѣ, нижегородской губерніи—родилось и расло подъ покровительствомъ и при помощи Академіи художествъ, хотя иниціатива созданія этой школы, средства, на которыя она существовала, обученіе въ ней и принадлежали замѣчательному и чисто русскому провинціальному дѣятелю—художнику Александру Васильевичу Ступину.

Біографіи Ступина я приводить здѣсь не буду, во-первыхъ, потому, что у меня еще не имѣется вполнѣ достаточныхъ данныхъ для полнаго его жизнеописанія, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что не она главный предметъ настоящаго очерка. Ограничусь лишь слѣдующими краткими свѣдѣніями. Александръ Васильевичъ Ступинъ, родившійся въ 1776 году, по происхожденію арзамасскій мѣщанинъ, еще съ дѣтства своего по его словамъ, обучался у себя дома въ Арзамасѣ «живописному искусству» и въ 1799 году, 23 лѣтъ, влекомый жаждою художественнаго образованія, будучи уже женатымъ и имѣя сына, оставилъ ихъ на родинѣ и отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ Императорскую Академію художествъ. Обучался здѣсь онъ „на своемъ иждивеніи, подъ вѣдѣніемъ адъюнктъ-ректора Академіи статскаго совѣтника и кавалера Акимова“. Уже во время своего обученія онъ на экзаменѣ удостоился получить отъ Академіи серебряную медаль за рисунокъ съ натуры и въ 1802 году, т. е. чрезъ три года послѣ поступленія въ Академію, выпущенъ изъ нея съ званіемъ художника первой степени. Въ виду интереса, который представляетъ выданный ему Академіею дипломъ на это званіе, привожу содержаніе этого документа дословно, съ сохраненіемъ правописанія:

«Санктпетербургская Императорская Академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ (*)

Симъ засвидѣтельствованіемъ Господина Художника Александра Ступина, обучавшагося въ Академіи съ тысяча седмьсотъ девяносто девятаго года на своемъ иждивеніи въ живописномъ Историческомъ художествѣ за его хорошіе успѣхи, и за особливо признанное въ немъ доброе, честное и похвальное поведеніе общимъ Собранія согласіемъ и по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу, удостаиваетъ пользоваться съ потомками, въ вѣчные роды, тѣмъ правомъ и преимуществомъ, которыя отъ Всемилостивѣйшей МОНАРХИНИ въ привилегіи Академической таковымъ пожалованы. Дано въ Санктпетербугѣ, за подписаніемъ Президента Академіи съ приложеніемъ большой ея печати. Апрѣля 12 дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяща восемьсотъ второе».

Но прежде чѣмъ получить званіе художника, Ступинъ долженъ былъ освободиться отъ принадлежности къ мѣщанскому, податному сословію. Поэтому предъ окончаніемъ курса въ Академіи художествъ онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ освобожденіи его отъ платежа податей. Вслѣдствіе этого прошенія последовалъ слѣдующій указъ Сената (почему и сдѣлана въ дипломѣ А. В. Ступина ссылка на Высочайшій указъ).

„Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Академіи художествъ“.

«По имянному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего Апрѣля въ 1-й день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изобра-

Семья А. В. Ступина

жено: „Разсмотрѣвъ всеподданнѣйшее прошеніе Арзамасскаго мѣщанина Александра Ступина, просившаго объ освобожденіи его отъ платежа по сему званію податей, для удобнѣйшаго обученія живописи въ Академіи художествъ, и находя, что по засвидѣтельствованію оной Академіи главнаго директора и членовъ, сей проситель, начавъ добровольно обучаться живописному искусству, въ художествѣ семъ оказалъ уже въ теченіи краткаго времени похвальные успѣхи, получилъ на экзаменѣ въ знакъ отличія серебряную медаль, и сопровождая труды свои въ ученіи похвальнымъ поведеніемъ подаетъ несомнѣнную надежду къ вящимъ успѣхамъ, почему въ поощреніе таковаго его похвальнаго рвенія и дабы по мѣрѣ предвидимыхъ въ немъ талантовъ дать способъ ему быть въ званіи художниковъ полезнымъ, Повелѣваемъ изъ податнаго оклада по настоящему состоянію его съ семействомъ исключить и, давъ симъ полную возможность на обученіе свободнымъ художествамъ по мѣрѣ оказываемыхъ успѣховъ, предоставить права и преимущества, обучающимся въ Академіи художествъ пріобрѣтаемыя“. Правительствующій Сенатъ приказали: для должнаго по сему Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненія въ Нижегородское Губернское Правленіе и тамошнюю Казенную Палату послать указы, каковыми дать знать Академіи художествъ и господину государственному казначею. Апрѣля 9 дня 18.. года. № 7612.»

И надежда на „вящіе успѣхи“ А. В. Ступина на художественномъ поприщѣ вполнѣ оправдалась. Трудами своими онъ создалъ на своей родинѣ художественную школу, давшую не мало талантливыхъ живописцевъ и художниковъ. Самыя побужденія къ учрежденію Ступинымъ этой школы въ высшей степени симпатичны и достойны уваженія, хотя, если мѣрить на аршинъ современности, нѣсколько сентиментальны. Побужденія эти лучше всего видны изъ слѣдующихъ собственныхъ его словъ. Уѣхавъ, по окончаніи курса въ Академіи, на родину, А. В. Ступинъ, чрезъ семь лѣтъ, прибылъ въ 18.. году въ Петербургъ и, привезя лучшаго ученика изъ своей Арзамасской школы для опредѣленія его въ Академію художествъ, представилъ въ Совѣтъ Академіи образцы работъ своихъ учениковъ; при этомъ онъ писалъ въ Совѣтъ, между прочимъ, слѣдующее: «къ особенному моему благополучію по вниманію ко мнѣ Академіи и по предстательству Его Сіятельства Графа Александра Сергѣевича Строганова, яко начальника Академіи, по имянному повелѣнію, награжденъ я въ 1802 году первой степени аттестатомъ художника со шпагою (*). Горя вѣчною и чувствительнѣйшею благодарностью къ Академіи художествъ и виновникамъ моего возрожденія, ощущалъ въ душѣ моей сильное влеченіе продолжать художественное занятіе, но съ другой также стороны, побуждаемъ семейственными обязанностями и невозможностію въ содержаніи себя, я болѣзненнымъ чувствомъ долженъ былъ оставить незабвенное для меня мѣсто, принеся благодарныя чувствованія въ свою очизну и не зная, чѣмъ другимъ обнаружить моей признательности, въ обязанность себѣ поставилъ основать художественную школу, которую и завелъ въ непродолжительномъ времени, при помощи вывезенныхъ изъ Академіи оригиналовъ антическихъ головъ и довольнаго числа эстамповъ и книгъ».

Не надо думать, что основанная А. В. Ступинымъ художественная школа была только школою только живописи; нѣтъ, она была кромѣ того и общеобразовательной. Ступинъ, сознавая по своему личному опыту, что художнику необходимо нужно широкое образованіе, ввелъ въ своей школѣ обученіе словесности и различнымъ наукамъ, для чего нанималъ на свой же счетъ отдѣльныхъ учителей. Особое вниманіе онъ обращалъ на нравственное воспитаніе своихъ учениковъ, „насаждая въ ихъ сердцахъ—какъ онъ самъ выражается—добронравіе“. Школъ въ то время было мало, особенно же въ глухой провинціи, и потому нельзя не назвать Ступина піонеромъ просвѣщенія народнаго тѣмъ болѣе, что въ его школу стремились преимущественно ученики изъ податныхъ сословій. Это станетъ понятнымъ, если вспомнить, что то было время крѣпостнаго права, когда помѣщику было пріятно и выгодно имѣть среди своихъ крѣпостныхъ вассаловъ людей, обученныхъ „разнымъ художествамъ“. Помѣщика вовсе не превлекали тогда «свободныя художества». Онъ, напротивъ, въ силу своего владѣнія крѣпостными, долженъ былъ быть врагомъ всего свободнаго, подъ какимъ бы видомъ оно ни было видомъ проникавшаго въ среду его крѣпостныхъ. Наоборотъ, его весьма интересовали и привлекали художества практическія, что мы теперь называемъ художественно-промышленными. Обучавшійся въ Академіи художествъ крѣпостной дѣлался у своего барина маляромъ, росписывавшимъ по его указаніямъ различные „храмы любви“, бесѣдки и стѣны помѣщичьихъ палатъ; получившій хорошее музыкальное образованіе въ столицѣ, рабъ принужденъ былъ потѣшать своимъ искусствомъ барина и его гостей, играя на своемъ инструментѣ въ барскомъ оркестрѣ различныя танцы, а иногда даже и безсмысленныя композиціи своего барина; крѣпостной портной причислялся бариномъ къ тому же „художественному“ крѣпостному типу—рабочаго на утѣху и пользу барина. Поощряя въ своей дворнѣ и среди своихъ крѣпостныхъ „разныя художества“, окружая себя рабами, умѣющими хорошо писать картины, играть на всевозможныхъ инструментахъ, ваять, танцовать и даже создавать вѣрные типы въ шекспировскихъ пьесахъ, баринъ того времени какъ огня боялся «свободныхъ художествъ»: они отнимали отъ него его силу, его собственность. Свободный художникъ не могъ быть крѣпостнымъ. До полученія этого оффиціальнаго званія онъ долженъ былъ получить отъ барина свою свободу. И барину представлялось два выхода: или отпустить на волю своего талантливаго подданнаго, или же, образовавъ его, развивъ его артистическій талантъ, оставить у себя рабомъ и принудить его работать на свою потѣху. Далеко не всегда удавалось послѣднее. Сколько талантовъ, быть можетъ даже великихъ, спилось, пало и погибло въ тинѣ и ядѣ крѣпостничества, сколько душевныхъ скорбей перенесено было этими художниками-рабами, сколько тяжелыхъ драмъ скрыто отъ насъ всеокружающимъ и всепоглощающимъ временемъ!.. Во всякомъ случаѣ баринъ, давая развитіе „свободнымъ художествамъ“ среди своихъ крѣпостныхъ, терпѣлъ убытокъ. Тѣмъ не менѣе ему не было разсчета отказываться отъ отдачи своихъ крѣпостныхъ въ Ступинскую художественную школу: правъ она никакихъ не давала, а хорошаго домашняго живописца барину дать могла. Правда, въ этомъ крылась небольшая ошибка: помѣщикъ забывалъ или вѣрнѣе не зналъ, что А. В. Ступинъ, самъ вышедшій изъ податного сословія, не оставитъ своего талантливаго ученика и употребитъ всѣ свои силы и средства къ доставленію ему свободы.

Но былъ еще другой контингентъ учащихся у Ступина: это дѣти вольноотпущенныхъ и дѣти мѣщанъ. Отцамъ ихъ улыбалось обучать въ художественной школѣ своихъ дѣтей. Если сынъ оказался бы талантливымъ—его можно было бы направить для дальнѣйшаго обученія въ Академію художествъ, а тамъ далѣе, въ перспективѣ «свободное» званіе художника, чины, ордена.. Для каждаго отца такая картина заманчива. А если бы сынъ и не оказался талантливымъ—не бѣда: все же польза—зналъ бы мастерство, пошелъ бы въ маляры.

Такимъ образомъ, недостатка въ ученикахъ у А. В. Ступина быть не могло. Но онъ былъ одинъ и директоръ своей школы, и преподаватель искусствъ, и воспитатель. Ему не подъ силу было обременять себя многочисленными учениками. И это послужило на пользу школѣ: А. В. Ступину, волей-неволей, пришлось выбирать изъ среды кандидатовъ въ его ученики лучшихъ, болѣе способныхъ и талантливыхъ; это дало возможность пріобрѣтать для школы такихъ учениковъ, которые обѣщали въ будущемъ сдѣлаться дѣйствительно художниками, и не обременять школы такимъ балластомъ, какъ ученики, занимающіеся искусствомъ ради будущихъ чиновъ, или орденовъ, или для будущаго улучшенія состава барской дворни.

(*Продолженіе будетъ*).

Е.

*) Т. е. живописи, ваянія, архитектуры.

(*) Аттестатъ художника первой степени давалъ права на чинъ XIV класса, а слѣдовательно и на ношеніе шпаги.

ВѢСТИ ИЗЪ СТОЛИЦЪ.

Стоимость постройки всей оренбургско-ташкентской дороги исчислена въ 115,000,000 р. Сооруженіе ея будетъ окончено къ первому января 1905 года.

— Министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ столичной артели уличныхъ продавцовъ произведеній печати въ Петербургѣ. До сихъ поръ всѣ столичные газетчики, подъ видомъ артели, за исключеніемъ продавцовъ петербургской артели, на самомъ дѣлѣ были лишь даровыми работниками у 3-хъ частныхъ предпринимателей, которымъ много лѣтъ тому назадъ удалось получить право на монопольную торговлю газетами и журналами на улицахъ столицы и ея окрестностяхъ. Каждый, желавшій поступить въ продавцы произведеній печати, прежде всего обязанъ былъ дать кому-нибудь изъ названныхъ предпринимателей подписку въ томъ, что онъ обязуется всѣ произведенія печати покупать только у него, откуда и выдавалась ему бляха и такъ называемая инспекторская книжка. Отнынѣ, съ утвержденіемъ новаго устава, всѣ эти даровые работники объединяются въ одну артель, которая будетъ работать на себя, а не на предпринимателей, отъ которыхъ до сихъ поръ всецѣло зависѣла ихъ участь. Столичная артель откроетъ свои дѣйствія перваго января.

— С.-петербургскій совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, примѣняясь къ возрастающимъ нуждамъ столичнаго населенія и желая дать призрѣніе наибольшему, по возможности, количеству бездомныхъ сиротъ, приступаетъ къ увеличенію числа безплатныхъ вакансій въ подвѣдомственныхъ ему сиротскихъ отдѣленіяхъ дѣтскихъ пріютовъ и учрежденію новыхъ сиротскихъ отдѣленій при тѣхъ пріютахъ, въ которыхъ по сіе время призрѣвались только приходящіе. Успѣхъ этого благого начинанія находится въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ откликнется имущая часть населенія къ нуждамъ бѣднѣйшей. Желая внѣшнимъ образомъ отличить участниковъ этого предпріятія, совѣтъ въ общемъ своемъ собраніи, состоявшемся 17-го мая 1899 года подъ личнымъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны, августѣйшей своей предсѣдательницы, утвердилъ проекты особаго *знака* и *жетона*, установленныхъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 15-ый день августа 1899 года.

Знакъ (именной), выдаваемый лицамъ обоего пола, пожертвовавшимъ не менѣе 125 рублей *на учрежденіе сиротскихъ отдѣленій*, носится на лѣвой сторонѣ груди, какъ на форменной, такъ и на партикулярной одеждѣ. Императорская корона, пеликанъ и инициалы вѣдомства—золотые, поля изъ эмали бирюзоваго цвѣта, лента съ надписью—серебряная.

Жетонъ, золотой, выдается лицамъ, пожертвовавшимъ *на нужды дѣтскихъ пріютовъ* не менѣе 35 рублей. На обратной сторонѣ выгравировано „благотворителю (или благотворительницѣ) такому-то“.

Знакъ и жетонъ изготовляются въ силу вышеупомянутаго Высочайшаго повелѣнія исключительно по распоряженію канцеляріи с.-петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ и на право ношенія ихъ выдаются изъ той же канцеляріи особые дипломы.

Лица, желающія получить знаки и жетоны, благоволятъ препровождать пожертвованія въ канцелярію совѣта (Казанская ул.) при заявленіи съ точнымъ и четко написаннымъ *адресомъ, званіемъ, именемъ, отчествомъ и фамиліею* (къ услугамъ жертвователей канцеляріи имѣются бланки такихъ заявленій).

По городскому адресу знаки и жетоны доставляются по изготовленіи на домъ. Г.г. иногородніе благоволятъ присылать 1 рубль на доставку по почтѣ.

Исполняя волю Ея Императорскаго Высочества и сообщая вамъ о вышеизложенномъ для свѣдѣнія, правитель канцеляріи совѣта позволяетъ себѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою оказать ваше благосклонное содѣйствіе къ привлеченію знакомыхъ вамъ благотворителей участниками въ этомъ дѣлѣ.

Первый поѣздъ.

(Путевые наброски).

Въ субботу, 22 декабря, послѣдовало открытіе пассажирскаго движенія на участкѣ „Арзамасъ—Нижній“ ромодановской желѣзной дороги. Какъ извѣстно, открытіе все откладывалось и откладывалось по разнымъ, независящимъ причинамъ и публика даже извѣрилась въ эти сообщенія.

Желая посмотрѣть на картину отправки перваго поѣзда, я нанялъ за 1 руб.. туда и обратно, городского извозчика и отправился на „Мызу“.

Эти 6—7 верстъ санного пути по арзамасскому тракту были истиннымъ для меня мученіемъ. Почти всю дорогу пришлось ѣхать шагомъ, такъ какъ многочисленные глубокіе ухабы и обиліе снѣга не давали возможности слѣдовать быстро; все время приходилось ныряять...

Я пріѣхалъ на вокзалъ за полъ-часа до отправки поѣзда. На платформѣ и у барьера, ближе къ путепроводу, толпились извозчики, привезшіе пассажировъ, крестьяне, учащаяся молодежь, ѣхавшая „по первопутку“ на рождественскіе праздники домой, и прочая публика.

Въ комнатѣ, гдѣ происходила продажа пассажирскихъ билетовъ и выдача багажныхъ квитанцій, въ углу виднѣлась буфетная стойка, на которой горделиво возвышался ярко вычищенный самоваръ, неистово шумѣвшій и распускавшій густые клубы пара. На буфетѣ лежали булки и сухари, два куска мяса и еще что-то въ этомъ родѣ. О напиткахъ „душу веселящихъ“ не было и помину.

Преобладающимъ элементомъ публики являлась учащаяся молодежь, затѣмъ слѣдовали поддевки и зипуны. У небольшого окошка кассы стоялъ безпрерывный хвостъ публики, чающей движенія. Жандармъ суроваго вида, неподвижно торчавшій у кассы, окрикивалъ не соблюдавшихъ очереди и успокаивалъ нѣкоторыхъ, боявшихся опоздать.

По наружному своему виду вокзалъ напоминаетъ какой-то сарай, наскоро сколоченный. Внутри это „зданіе“ разбито на нѣсколь-

ихъ комнатъ, предназначенныхъ ко небольш... ...ировъ I, II и III классовъ, одна для пас... ...ечная комнатка отведена „для дамъ“, затѣмъ другая, расположенная наискось, служитъ кабинетомъ начальника станціи.

Въ комнатѣ для пассажировъ I и II класса стѣнные часы показывали 8 ч. 22 м., а въ вокзалѣ III кл.—3 ч. 45 м. Стрѣлки на циферблатѣ, насколько я замѣтилъ, не двигались.

На стѣнкѣ у кассы висѣло печатное росписаніе движенія пассажирскихъ поѣздовъ между Мызой и Арзамасомъ. Я его скопировалъ.

	приходъ.	стоян.	отправ.
Мыза	—	—	10 ч. 43 м.
Кудьма . . .	11 ч. 57 м.	20 м.	12 ч. 17 м.
Зименки . .	1 ч. 12 м.	8 м.	1 ч. 20 м.
Суроватиха .	2 ч. 42 м.	15 м.	2 ч. 57 м.
Сережа . . .	3 ч. 49 м.	10 м.	3 ч. 59 м.
Арзамасъ . .	4 ч. 57 м.	—	—

Часы по мѣстному времени.

Я вышелъ къ поѣзду. Видъ его былъ неважный. Вагоны старой конструкціи, ржавыя ручки, грязныя и облупленныя стѣнки,—все это производило непріятное впечатлѣніе. Внутри вагоны были еще хуже. Сквозного хода черезъ всѣ вагоны поѣзда не существовало, такъ какъ въ срединѣ стоялъ вагонъ съ котломъ парового отопленія, а въ концѣ поѣзда—почтовый вагонъ. Весь поѣздъ состоялъ изъ 11 вагоновъ. Паровозъ былъ также старой конструкціи, чуть не 60-хъ годовъ.

У помѣщенія кассы происходило какое-то неудовольствіе между публикой и начальствомъ.

— Скандальники, вотъ что!—неслись изъ кассы недовольные возгласы начальника станціи, занятаго продажей билетовъ.

Я поинтересовался узнать причину гнѣва начальства. Мнѣ жандармъ объяснилъ, что какіе-то два семинариста, не получившіе скидку по ученическимъ свидѣтельствамъ на билеты, потребовали жалобную книгу, и крупно объяснялись съ начальникомъ. Книги не оказалось. Семинаристамъ выданы были билеты безъ скидки. Но вся эта исторія взволновала начальство, которое долго не могло успокоиться и придти въ себя.

По роспис-анію поѣздъ долженъ былъ отправиться изъ Мызы въ 10 ч. 43 м. Но такъ какъ поссажировъ было очень много, то выдача билетовъ затянулась и отправка поѣзда произошла съ опозданіемъ.

Ровно въ 11 час. 15 мин. дня, по приказанію начальника станціи, раздался третій звонокъ; оберъ-кондукторъ пустилъ трель соловьиную, на что ему хрипло отозвался паровозъ и поѣздъ, подавшись раньше назадъ, рванулся впередъ и, мѣрно громыхая. медленно двинулся къ Арзамасу, увозя съ собой нѣсколько сотъ пассажировъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Мызы начальникъ станціи сообщилъ мнѣ плату за проѣздъ въ поѣздѣ, которую привожу здѣсь:

От Мызы до ст.:

	III	II	I
Кудьма	33 к. —	50 к. —	83 к.
Зименки . .	67 к.	1 р. 01 к.	1 р. 08 к.
Суроватиха .	1 р. 05 к.	1 р. 58 к.	2 р. 63 к.
Сережа . .	1 р. 32 к.	2 р. —	3 р. 33 к.
Арзамасъ .	1 р. 64 к.	2 р. 46 к.	4 р. 10 к.

За багажъ: 1 пудъ безплатно, а сверхъ пуда съ каждыхъ 10 фун. 6,56 коп.

ХРОНИКА.

Нижегородскимъ полиціймейстеромъ получено отъ начальника арзамасскаго отдѣленія московскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ отношеніе, коимъ послѣдній проситъ установить конно-полицейскіе разъѣзды по арзамасскому шоссе, между вокзаломъ „Мыза“ и городомъ, начиная съ 6 ч. 11 м. вечера, т. е. со времени прихода поѣзда, въ интересахъ пассажировъ, ѣдущихъ по шоссе въ Н.-Новгородъ.

Церковь при тюремномъ первомъ корпусѣ закончена ремонтомъ и отдѣлкой, которая была произведена на счетъ церковнаго старосты, г. Наумова. Живописныя работы исполнены Я. И. Фоминымъ.

Правленіе взаимопомощи учащихъ петербургской губерніи увѣдомило нижегородское, что во время лѣтнихъ каникулъ, съ 6 іюня по 15 августа, для дѣйствительныхъ членовъ нижегородскаго учительскаго общества будутъ открыты въ Петербургѣ безплатныя квартиры.

Правленіе О-ва взаимопомощи учителямъ и учительницамъ устраиваетъ въ коммерческомъ клубѣ 2 и 3 января лекцію, которую прочтетъ приватъ-доцентъ Н. А. Рожковъ на тему: Городъ и деревня въ русской исторіи. Цѣны назначены отъ 50 к. до 5 р. за обѣ лекціи. Начало въ 1 ч. дня.

3 января въ помѣщеніи четырехкласснаго городского училища учителя и учительницы начальныхъ училищъ устраиваютъ товарищескій вечеръ.

Въ ночь на 29 декабря въ лавкѣ наслѣд. Н. Е. Башкирова, на Нижнемъ базарѣ, былъ взломанъ желѣзный сундукъ и изъ него похищено 1948 руб. Похитители не розысканы.

Надняхъ, въ раіонѣ сергачскаго уѣзда найдены два трупа замерзшихъ крестьянъ: первый—села Столбищъ Алексѣй Сидоровъ, 40 лѣтъ, обнаруженъ въ полѣ между селами своимъ и Большимъ Андосовымъ, а второй — Иванъ Кузнецовъ, 60 лѣтъ—въ послѣднемъ селѣ, около дома кр. Мотявина. Кузнецовъ возвращался домой изъ гостей, вслѣдствіе излишне выпитаго вина свалился на снѣгъ, на которомъ, заснувши, замерзъ.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

Наше родное Поволжье изобилуетъ городами, гдѣ традиціонный „рупь“ захватываетъ всѣ жизненные интересы настолько чувствительно, что кажется самая жизнь вся сплошь —одинъ только „рупь“.....

Въ одномъ изъ такихъ городовъ, о которомъ говорятъ, что въ немъ дома каменные, а люди желѣзные, гдѣ въ старину не щадили даже святыхъ, встрѣчая ихъ палками, произошелъ слѣдующій случай, доказывающій, что въ этомъ городѣ и до настоящей поры живутъ люди „желѣзные“, а если не желѣзные въ прямомъ смыслѣ, то въ истинномъ смыслѣ съ металлическими сердцами....

Недавно умираетъ одинъ безвѣстный труженикъ, прослужившій въ торгово-промышленномъ заведеніи болѣе 20 лѣтъ. Послѣ смерти онъ оставилъ: наличными деньгами, не считая мелкихъ долговъ, семь коп., доброе и безукоризненное имя и девять челов. дѣтей....

Жена покойнаго обратилась въ „учрежденіе“, во главѣ котораго стоитъ извѣстный милліонеръ. Послѣдній немедленно выдалъ (даже можетъ быть изъ своего кармана) 25 р. на похороны. Назойливая вдова, ниоткуда не получая помощи, снова обращается, но на этотъ разъ не на похороны, а на „жизненныя потребности“, которыя „послѣ смерти мужа, предъявили къ ней сурово свои права“.....

„Глава“ и на этотъ разъ не отказалъ, выдавъ семьѣ покойнаго пять руб., но предупредилъ, что это „изданіе—послѣднее“.

Конечно, и 3 руб. деньги.....

Впрочемъ—стоитъ ли продолжать эту обыкновенную для этого города исторію,—вѣдь она не требуетъ никакихъ комментаріевъ.....

Въ одной почтенной газетѣ въ третій или четвертый разъ появляется сообщеніе о томъ, что когда-то солидное пароходство постепенно пришло въ упадокъ и рушится, благодаря вообще „плохимъ дѣламъ“, гдѣ имѣли значеніе и низкіе фрахты, и обмелѣніе, и, наконецъ, ссуда, выданная этому пароходству извѣстными богачами-коммерсантами. Но послѣднее сообщеніе, которое заключается въ томъ, что владѣтель пароходовъ ликвидируетъ всѣ свои дѣла и продаетъ свои пароходы—не точно. Лицо, стоящее во главѣ этого дѣла, намъ сообщило, что о ликвидаціи и продажѣ пароходовъ нѣтъ и рѣчи,—продается одинъ пароходъ какъ неудовлетворяющій своему назначенію.

— Что же касается до неоднократныхъ газетныхъ сообщеній, то одно могу сообщить вамъ: ну, ударь разъ, ударь два, зачѣмъ же до безчувствія?....

Въ самомъ дѣлѣ, господа, зачѣмъ же до безчувствія?...

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Г. МАКАРЬЕВЪ, нижегор. губ.

(Отъ собственнаго корреспондента)

Вслѣдствіе запрещенія ученикамъ нашего городского училища посѣщать классы въ валяной обуви, макарьевское городское общественное управленіе ходатайствовало предъ г. директоромъ народныхъ училищъ нижегородской губ. объ отмѣнѣ этого распоряженія, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что вслѣдствіе бѣдности жителей г. Макарьева, они не въ состояніи пріобрѣтать для своихъ дѣтей кожаную обувь съ калошами; г. директоръ на это ходатайство отвѣтилъ, что въ видахъ сохраненія чистоты и опрятности въ зданіи городского училища и въ виду § 69 инструкціи для городскихъ училищъ, по положенію 31 мая 18.2 г., разрѣшенія посѣщать всѣмъ ученикамъ классы зимою въ валяныхъ сапогахъ дано быть не можетъ и что исключеніе сдѣлано только для дѣтей бѣдныхъ и не достаточныхъ родителей.

Въ сундучныхъ мастерскихъ, наши заводчики-сундучники, настолько небрежно и халатно относятся къ своей безопасности отъ могущихъ случиться пожаровъ, что, по уходѣ рабочихъ изъ мастерскихъ, туда не заглянутъ во всю ночь.

19 декабря, въ 4 ч. утра, рабочій Рябовъ, придя въ печатальную мастерскую мѣстнаго заводчика И. С. Фомина на работу, нашелъ ее полную дымомъ; онъ тотчасъ же побѣжалъ къ церкви, отстоящей шагахъ въ 30-ти отъ дома Фомина, и началъ звонить тревогу и когда возвратился въ мастерскую, то пламя изъ нея уже выбилось наружу. Хорошо еще, что пожаръ начался въ такое время, когда всѣ жители стали собираться на работу и дружными усиліями успѣли прекратить возникшій пожаръ.

ИЗЪ ВЕТЛУЖСКАГО КРАЯ, макар. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

То и дѣло на страницахъ газетъ можно встрѣтить корреспонденціи о томъ, что въ такомъ то селѣ есть знахарь, въ такомъ-то колдунъ... Но едва-ли послѣднихъ найдется такъ много въ другихъ мѣстахъ, какъ на нашей глухой Ветлугѣ. Дѣвственные ветлужскіе лѣса должно быть препятствуютъ благотворительнымъ лучамъ солнца оживлять и развивать умственныя способности ветлужскаго населенія. Не смотря на то, что за послѣднее время число медицинскихъ пунктовъ и школъ все увеличивается на Ветлугѣ, вѣра въ заговоры, порчи, сажаніе килъ нисколько не уменьшается, но наоборотъ съ каждымъ годомъ все растетъ. Почти въ каждомъ селеніи на Ветлугѣ есть знахарь-колдулъ, пользующійся почетомъ и уваженіемъ со стороны крестьянъ. Во всѣхъ случаяхъ крестьяне обращаются къ нимъ съ просьбою о помощи. Заболѣетъ-ли кто, крестьянинъ въ рѣдкомъ случаѣ обратится за помощью къ фельдшеру, или врачу, и почти всегда къ колдунамъ. На врачей и фельдшеровъ населеніе смотритъ какъ на незнающихъ и морочащихъ людей. Живя на Ветлугѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, я насколько возможно старался прослѣдить отношенія между крестьянами и знахарями и медицинскимъ персоналомъ. И къ сожалѣнію всѣ мои наблюденія привели къ такому результату: какъ знахарь и колдунъ стоятъ близко къ населенію, такъ врачи и фельдшера—далеко. Крестьяне не довѣряютъ аптечнымъ лѣкарствамъ, а весьма часто даже и считаютъ грѣхомъ обращаться за совѣтами къ «нѣмецкимъ лѣкарямъ».—« Чему быть, того не миновать; зачѣмъ же еще къ докторамъ ѣздить»..., слышится обыкновенно въ средѣ крестьянъ, когда кто-либо заболѣетъ, но въ концѣ-концовъ больного всетаки везутъ къ колдуну, или же приглашаютъ его въ домъ. Такіе случаи можно встрѣтить на каждомъ шагу. Однажды въ селѣ Богородскомъ умерла одна женщина отъ водянки. Больная была недѣлю въ больницѣ въ селѣ Воскресенскомъ; родные ея, видя, что она пролежала уже въ больницѣ недѣлю, а ее все еще не розняло, взяли ее изъ больницы, тѣмъ болѣе, что тамъ хотѣли сдѣлать ей легкую операцію и выпустить жидкость. «Не дадимъ рѣзать ее, лучше пусть умретъ», говорили родственники больной и взяли ее изъ больницы. Дома родственники додумались, что ихъ родственница испорчена, что ей порча пущена по вѣтру, и даже подозрѣвали въ этомъ одного семидесятилѣтняго старика, страшнаго поклонника Бахуса и при томъ не вѣрившаго въ порчу. Недолго думая, обратились къ нему, прося снять порчу съ ихъ больной. Мнимый колдулъ прогналъ просителей. Тогда послѣдніе больную повезли въ черемисскую деревню къ славившемуся тамъ колдуну-черемисину. Черемисинъ обѣщался вылѣчить женщину и рѣшилъ, что на животѣ нужно сдѣлать проколъ. Родственники, не желавшіе, чтобы операція была сдѣлана въ больницѣ въ с. Воскресенскомъ, охотно согласились на предложеніе черемисина. Послѣдній, вооружившись шиломъ, проткнулъ животъ больной, откуда и вытекло нѣсколько жидкости. Кромѣ того черемисинъ далъ какой-то настойки на винѣ, которую онъ и велѣлъ пить по три рюмки въ день. Больной какъ будто-бы сначала полегчало, но потомъ вдругъ сдѣлалось хуже и она умерла, Умерла, по мнѣнію народа, не отъ операціи черемисина, хотя это ясно какъ Божій день, а отъ того, что такъ Богу угодно.

ЛЫСКОВО, макарьев. у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Въ дополненіе къ моему сообщенію, объ убійствѣ крестьянами дер. Вадимова, княгининскаго уѣзда двухъ человѣкъ, въ настоящее время могу добавить, что личность второго убитаго удалось выяснить—онъ оказался изъ мѣщанъ гор. Алатыря, симбирской губерніи, селенія Ямлей Феторъ Васильевъ Лебедевъ, 20 лѣтъ.

ВѢСТИ ИЗЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

КАЗАНЬ Въ казанской судебной палатѣ недавно было разсмотрѣно дѣло о бывшемъ учителѣ сельской школы М. Ѳ. Кашкаровѣ по обвиненію въ незаконномъ лишеніи свободы крестьянскаго пятилѣтняго мальчика. Обстоятельства дѣла, по словамъ „Каз. Тел.“, заключаются въ слѣдующемъ.

Кашкаровъ былъ учителемъ въ с. Утесовкѣ, алатырскаго уѣзда, симбирской губ. Для отопленія школы ему отпускались отъ сельскаго общества дрова въ такомъ видѣ, что колоть ихъ приходилось самому учителю. И онъ кололъ ихъ на дворѣ передъ школой, и съ цѣлью экономіи собиралъ даже щепу, которая при колкѣ дровъ отлетала отъ полѣньевъ. Между тѣмъ щепу эту у него часто растаскивали дѣти проживавшихъ по сосѣдству крестьянъ. Остановивъ разъ съ щепой 5-лѣтняго мальчика—сына сосѣдняго крестьянина Панфилова, учитель сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, попытавшись разъяснить, что таскать щепу нельзя. Но такъ какъ мальчикъ продолжалъ потаскивать щепу, то учитель, поймавъ его снова съ поличнымъ, отвелъ къ родителямъ. Тамъ, однако, обнаружилось, что мальчуганъ таскалъ щепу по приказанію родителей.

Такъ какъ Панфиловы и послѣ сдѣланнаго имъ внушенія учителемъ продолжали посылать своего ребенка на воровство щепы съ школьнаго двора, то учитель возбудилъ противъ нихъ дѣло въ мѣстномъ волостномъ судѣ по обвиненію въ развращеніи своего сына, волостной судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ аресту на двое сутокъ каждаго.

Но приговоръ этотъ, повидимому, и не устрашилъ, и не исправилъ Панфиловыхъ. Спустя нѣкоторое время, учитель вновь засталъ ребенка ихъ на воровствѣ щепы Тогда онъ рѣшилъ попытаться воздѣйствовать уже не на родителей, а на самого мальчугана. Учитель взялъ его на руки, отнесъ въ сортиръ при школѣ и оставилъ тамъ.

— Вотъ посиди-ка тутъ за то, что таскаешь у меня щепу...—сказалъ учитель, выходя изъ импровизированнаго карцера.

Оставленный же въ сортирѣ мальчикъ не сталъ сидѣть тамъ, онъ убѣжалъ оттуда очень скоро. Родители заявили о случившемся полиціи и въ свою очередь потребовали привлечь учителя къ отвѣтственности. Становой приставъ не замедлилъ составить протоколъ, началось дѣло о «незаконномъ лишеніи свободы» мальчугана Панфиловыхъ, учитель былъ уволенъ отъ должности и преданъ суду.

Первоначально дѣло это разсматривалось симбирскимъ окружнымъ судомъ. Кашкаровъ, хотя и не признавалъ себя виновнымъ, объясняя, что отвелъ въ сортиръ маленькаго воришку не съ цѣлью лишить его свободы, а съ цѣлью исправленія его былъ, однако, признанъ виновнымъ и приговоренъ къ аресту на 10 дней.

Судебная палата, разсмотрѣвъ это дѣло вновь, вслѣдствіе апелляціонной жалобы Кашкарова, ходатайствовавшаго объ оправданіи, отмѣнила этотъ приговоръ и признала Кашкарова невиновнымъ, за отсутствіемъ въ поступкѣ его состава преступленія, предусмотрѣннаго 1540 ст. улож. о наказ.

Отъѣздъ изъ Вятки высокопреосвященнаго Алексія.

Изъ Вятки уѣхалъ вновь назначенный экзархомъ Грузіи и архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ бывшій епископъ вятскій и слободскій высокопреосвященный Алексій (Опоцкій). Съ неподдѣльною скорбью разставалась съ нимъ вся вятская паства. Несмотря на то, что на вятской каѳедрѣ новый экзархъ Грузіи былъ всего пять лѣтъ, онъ и за это короткое время пріобрѣлъ себѣ своею тактичностью, общедоступностью, добротою и благотворительностью любовь и уваженіе какъ среди высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ всего вятскаго населенія. За время управленія имъ вятскою епархіею умножилось въ ней число приходовъ и церквей и онѣ стали неузнаваемы, благодаря заботамъ его о ихъ внѣшнемъ благолѣпіи и внутреннемъ украшеніи (живопись и стѣнопись). Но особенное вниманіе его обращено было на просвѣтительную дѣятельность духовенства, которое онъ склонилъ къ открытію церковно-приходскихъ школъ, и онѣ появились при немъ и тамъ, гдѣ повидимому не было особеннаго простора для ихъ дѣятельности, т.-е. гдѣ существовали земскія школы. Вопросъ о взаимоотношеніи дѣятельности земства и духовенства въ области народнаго просвѣщенія рѣшался имъ очень просто: «Пусть земство учитъ мальчиковъ, а мы будемъ учить дѣвочекъ»—говорилъ онъ подвѣдомственному духовенству, и наряду съ земскими мужскими школами возникали церковныя женскія, которыя тотчасъ же и наполнялись учащимися. Изыскивая средства содержанія церковныхъ школъ, высокопреосвященный ежегодно лично ходатайствовалъ передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о матеріальной поддержкѣ ихъ со стороны земства и достигалъ того, что въ то время, какъ нѣкоторыя земства не удѣляютъ на этотъ предметъ ни одного рубля., вятское губ. земство въ 1900, напр., году ассигновало на содержаніе церковно-приходскихъ школъ 36,228 рублей. Благодаря этому въ вятской епархіи состоитъ въ настоящее время церковныхъ школъ; двухклассныхъ 6 для мальчиковъ (331 чел.) и 4 для дѣвочекъ (262 дѣв.), двухклассныхъ—6 смѣшанныхъ съ 1188 мал. и 83 дѣв., одноклассныхъ—28 для мал., 153 для дѣв. и 177 смѣшанныхъ (въ нихъ учится 9525 мал., 7476 дѣв., всего 17,001 ч.), школъ грамоты—25 для мальчиковъ, 16 для дѣвочекъ и 352 смѣшанныхъ (съ 6860 мал. и 2425 дѣв.) и 2 образцовыхъ школы съ 47 мальч. и 39 дѣв., всего же церковныхъ школъ—64 для мальчиковъ, 174 для дѣвочекъ и 585 смѣшанныхъ, а учащихся 18,011 мальчиковъ и 10,285 дѣвочекъ, а всего 28,296.

ПО РОССІИ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Послѣ окончанія акта въ Императорской военно-медицинской академіи военному министру были представлены молодые врачи, оставленные въ академіи для усовершенствованія и избранные на коман-

дировку за-границу. Послѣ представленія, военный министръ обратился къ окружавшимъ его въ значительномъ числѣ врачамъ и студентамъ высшихъ курсовъ приблизительно со слѣдующими словами: „Могу сообщить вамъ, господа, что какъ разъ сегодня Государь Императоръ соизволилъ изъявить свое согласіе на приступъ къ увеличенію содержанія всѣмъ военнымъ врачамъ, и по моему ходатайству, въ видѣ особой Монаршей милости, впредь до разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ, приказалъ выдать нынѣ-же въ единовременное пособіе военнымъ врачамъ двухмѣсячный окладъ содержанія. Какъ представитель русской арміи, радуюсь, что могу вамъ сообщить эту вѣсть. Твердо увѣренъ, что эта мѣра, улучшая быть военныхъ врачей, придастъ имъ новыя силы на службу Государю и родинѣ. Предлагаю вамъ вмѣстѣ со мною, за здоровье и многолѣтіе обожаемаго Монарха, такъ отечески заботящагося о нуждахъ нашихъ, провозгласить Его Императорскому Величеству русское „ура“. Долго несмолкавшее «ура» присутствовавшихъ огласило стѣны академіи.

— Опубликовано Высочайшее повелѣніе о продленіи срока обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ прежнихъ образцовъ: сто, двадцатипяти, десяти, пяти рублеваго достоинствъ по 31 декабря 1902 года.

— Надняхъ въ залѣ дворянскаго собранія, при громадномъ стеченіи публики и членовъ съѣзда естествоиспытателей и врачей, происходило торжественное его открытіе.

Среди присутствовавшихъ находились министръ народнаго просвѣщенія П. С. Ванновскій, оба товарищи его, Зенгеръ и Мѣщаниновъ, товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій и многія другія высокопоставленныя лица.

Съѣздъ открылъ Почетный его предсѣдатель Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, привѣтствовавшій участниковъ съѣзда и пожелавшій полнаго успѣха его трудамъ.

ПОЛТАВА. Въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 6 декабря, была избрана комиссія подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства С. Е. Бразоля, для выработки проекта чествованія памяти Н. В. Гоголя по поводу 50-лѣтія со дня его смерти. Комиссія представила слѣдующія соображенія собранію 9 декабря, которыя всѣ и приняты:

1) Ассигновать 700 руб. въ помощь городу въ его распоряженіе для устройства торжества 21 февраля 1902 года въ Полтавѣ.

2) Присоединиться къ подпискѣ на памятникъ Гоголю въ м. Сорочинцахъ для чего пожертвовать 500 руб.

3) Заказать съ портрета Гоголя (Моллера, который принадлежитъ Н. В. Быкову) фототипіи большого формата и разослать ихъ во всѣ школы полтавской губерніи, какъ министерскія, такъ и земскія, и прибить къ рамкамъ портретовъ доски съ краткими біографическими свѣдѣніями о Гоголѣ.

4) Учредить при полтавской гимназіи, какъ заведеніи, гдѣ Гоголь началъ свое ученіе, стипендію его имени, и

5) Учредить преміи имени Гоголя въ 1.500 р., которыя будутъ выдаваться разъ въ пять лѣтъ, по присужденію академіи наукъ, за лучшее сочиненіе о Малороссіи вообще и полтавской губ. въ частности (сочиненіе этнографическое, историческое, бытовое или археологическое).

Въ миргородскомъ дворянскомъ собраніи 10 декабря выслушано предложеніе полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, В. Б. Мещерскаго, слѣдующаго содержанія:

Въ виду наступленія 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, который былъ дворяниномъ миргородскаго уѣзда, я считаю, что дворянство миргородскаго уѣзда не можетъ обойти молчаніемъ этотъ день и по мѣрѣ своихъ средствъ обязано проявить свое участіе въ чествованіи этого дня. Зная ограниченность средствъ общества дворянъ миргородскаго уѣзда, я предлагаю поставить въ залѣ нашего дворянства бюстъ Н. В. Гоголя, на что ассигновать потребную сумму.

Дворянское собраніе постановило: 1) ассигновать 500 р. на бюстъ Гоголя для постановки его въ дворянскомъ домѣ въ Миргородѣ; 2) ассигновать 250 р. на постановку памятника Гоголю въ Сорочинцахъ, проектируемаго по подпискѣ.

КУРСКЪ. Въ іюлѣ будущаго года курское губернское земство устраиваетъ въ Курскѣ выставку по народному образованію. Эта будетъ первая въ Россіи выставка, устраиваемая исключительно по народному образованію. Выставка эта имѣетъ цѣлью выяснить состояніе начальнаго народнаго образованія въ курской губерніи и установить ближайшія его нужды, ознакомить лицъ и учрежденія, вѣдающія начальное народное образованіе, со всѣми учебно-воспитательными средствами, которыми могутъ располагать въ настоящее время народныя школы. Въ частности на выставкѣ могутъ быть экспонированы: типичные планы школьныхъ зданій и фотографическіе снимки отдѣльныхъ школъ, печатныя работы, діаграммы, картограммы, демонстрирующія положеніе народнаго образованія, школьнаго и внѣшкольнаго, въ курской губерніи съ различныхъ его сторонъ и въ сравненіи съ состояніемъ народнаго образованія въ другихъ губерніяхъ; школьная мебель различныхъ системъ, письменныя работы учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ, воскресныхъ и вечернихъ классовъ, примѣрныя работы учениковъ по рукодѣлію, ручному и ремесламъ, примѣрно подробныя школьныя и народныя библіотеки, волшебные фонари, картины къ нимъ, учебныя наглядныя пособія, т. е. карты, картины, модели, атласы, приборы, инструменты и т. п. Для экспонированія всѣхъ перечисленныхъ предметовъ будутъ приглашены земскія управы, инспектора народныхъ училищъ, епархіальный училищный совѣтъ и его уѣздныя отдѣленія, отдѣльныя школы курской губерніи, издательскія фирмы и мастерскія, выпускающія собственныя учебныя пособія въ Россіи или торгующія заграничными изданіями и издѣліями. За лучшія выставленныя пособія будутъ присуждены почетные отзывы. Эта выставка, ознакомляя учителей и дѣятелей по народному образованію съ тѣмъ, что выработано и сдѣлано до настоящаго времени въ разсматриваемой области, что народной школѣ предлагаетъ рынокъ учебныхъ пособій, въ то-же время можетъ дать издательскимъ фирмамъ руководящія указанія, въ какомъ направленіи имъ дальше работать для того, чтобы приспособиться къ чисто педагогическимъ задачамъ современной народной школы.

БАКУ. Вслѣдствіе продолжающагося нефтяного кризиса масса рабочихъ осталась безъ заработка. Тысячи рабочихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи возвращаются на родину. На смѣну имъ являются татары и армяне изъ разныхъ уголковъ Закавказья. Не находя работы, они или возвращаются обратно, или предаются мародерству. Въ виду этого, поддержаніе порядка въ городѣ стало весьма затруднительнымъ. Голодный людъ среди бѣла дня нападаетъ на всякаго, у кого разсчитываетъ найти деньги.

Юбилей П. И. Вейнберга.

16 декабря праздновался 50-лѣтній юбилей Петра Исаевича Вейнберга, извѣстнаго писателя и переводчика.

Петръ Исаевичъ родился въ 1830 году, въ Николаевѣ, учился сперва въ одесской гимназіи и Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ поступилъ въ харьковскій университетъ на филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1855 году.

Въ декабрьской книжкѣ журнала „Пантеонъ“ появился первый переводъ Петра Исаевича, и съ этихъ поръ дѣятельность его не прекращалась. Его оригинальныя и переводныя стихотворенія печатались въ лучшихъ журналахъ того времени, а его юмористическія стихотворенія подписанныя псевдонимомъ „Гейне изъ Тамбова“, пользовались особенной популярностью. Вмѣстѣ съ этой поэтической дѣятельностью, Петръ Исаевичъ не мало труда положилъ на редактированіе различныхъ періодическихъ изданій, какъ напр. „Вѣкъ“, „Оса“ „Будильникъ“, „Илюстрированная библіотека“, „Ласточка“, „Задушевное Слово“, „Театральная газета“ „Изящная литература“ и т. п.

Но главная заслуга П. И. Вейнберга заключается въ его переводахъ на русскій языкъ, редактированіи и изданіи выдающихся произведеній лучшихъ европейскихъ писателей. Онъ переводилъ Шекспира, Байрона, Шелли, Гете, Гейне, Берне, Лессинга, Гуцкова, Ленау, Шамиссо, Гюго, Мюссе и многихъ другихъ.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Пишущій эти строки былъ случайнымъ свидѣтелемъ необычайнаго событія изъ жизни Нижегородскаго Поволжья. Это событіе можно назвать даже историческимъ и знаменательнымъ.

Послѣдовало открытіе желѣзной дор. Нижній-Арзамасъ и т. д. 22 декабря со ст. Мыза, находящейся въ 7 в. отъ Нижняго, отошелъ первый поѣздъ. Отошелъ тихо, скромно, безъ всякаго торжества и помпы.. Для Казанской желѣзной дороги это, пожалуй, и лишнее: зачѣмъ шумныя торжества, когда она, т. е. дорога, пользуется такой громкой популярностью?... Одно только не хорошо: ж. д. заправилы не исполнили вѣковѣчнаго обычая, свято соблюдавшагося на православной Руси,—начали великое дѣло, не помолясь Богу... Но и это обстоятельство нельзя ставить въ упрекъ: всякое торжество является дѣломъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій, а Бѣлинскій училъ насъ даже къ убѣжденіямъ дикихъ относиться съ уваженіемъ.

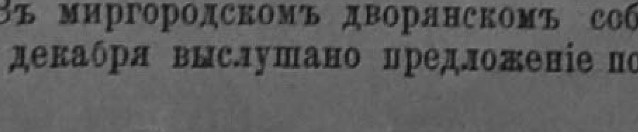
Итакъ, первый поѣздъ...

Но тутъ случилось нѣчто фатальное, а если хотите,—знаменательное: словомъ,—случилось такое событіе, которое едва-ли случалось гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ,—первый поѣздъ, отходя отъ станціи, сначала пошелъ назадъ, т. е. подъ гору, а потомъ уже двинулся, какъ ему и подобало, впередъ.

А затѣмъ.. Семинаристы, отправляющіеся съ первымъ поѣздомъ, требовали законной скидки, которая полагается для учащейся молодежи, а ж.-д. начальство протестовало, говоря, что семинаристы были пьяны, хотя послѣднее совершенно несправедливо. Семинаристы требовали жалобную книгу, но и въ этомъ имъ отказали. Произошелъ легонькій шумъ, но... кажется, дѣло кончилось благополучно, безъ протоколовъ.

Нынѣшній годъ—первый годъ двадцатаго вѣка—начался необыкновеннымъ событіемъ: на небѣ зажглась новая звѣзда—звѣзда двадцатаго вѣка,—и первый, кому она загорѣлась, первый, кто ее увидѣлъ на землѣ, былъ безвѣстный русскій юноша, скромный кіевскій гимназистъ. Правда, одновременно съ нимъ на другой половинѣ земного шара ту-же звѣзду открылъ опытный ученый, американскій астрономъ, и трудно съ точностью установить, кому собственно принадлежитъ первенство; но не достопримѣчательность-ли, не загорающаяся-ли звѣзда Россіи уже самое это соперничество юнаго русскаго гимназиста съ американскимъ ученымъ? Для насъ, для русскихъ, «Новая Персея» все-же должна оставаться звѣздой Борисяка. Удивительно, какъ, возводя въ событіе всякую мелочь, всякія дрязги или взаимныя восхваленія, у насъ мало занялись этимъ дѣйствительнымъ событіемъ. Борисяку подарили дешевую подзорную трубу, съ которой онъ вѣроятно не знаетъ что дѣлать, и успокоились....

Н.

ПО СИБИРИ.

Портъ-Артуръ. Пріѣздъ товарища министра финансовъ П. М. Романова въ Чемульпо состоялся 9-го ноября. Непосредственно по прибытіи въ гавань, Романовъ былъ встрѣченъ прибывшимъ изъ Сеула нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ камеръ-юнкеромъ Павловымъ и персоналомъ миссіи. Привѣтствуя гостя, С. С. Павловъ не замедлилъ передать послѣднему приглашеніе императора посѣтить столицу Кореи. Послѣ двухчасового осмотра участка земли, предназначеннаго для будущаго консульства, и площади на берегу, присмотрѣнной для нуждъ пароходства Китайско-Восточной желѣзной дороги (къ вечеру сдѣлка была совершена и общество пріобрѣло эту площадь за 33 тысячи іенъ), товарищъ министра уѣхалъ по желѣзной дороги въ Сеулъ. Въ три часа дня состоялась аудіенція для гг. Романова и Алексѣева, четыре года назадъ завѣдывавшаго, въ роли совѣтника, финансами страны. Подробно разспросивъ своихъ гостей о впечатлѣніяхъ долгаго путешествія, императоръ выразилъ крайнее сожалѣніе, что кратковременное пребываніе путешественниковъ лишаетъ его возможности принять ихъ такъ, какъ это хотѣлось бы повелителю Кореи. Узнавъ, что главная цѣль поѣздки товарища министра—осмотръ Манчжурской ж. д. и урегулированіе дѣлъ молодого пароходства Китайско-Восточной ж. д., имѣющаго, между прочимъ, цѣлью установленіе правильныхъ и болѣе частыхъ рейсовъ съ портами Кореи, императоръ выразилъ искреннее удовольствіе, пожелалъ самаго широкаго успѣха дѣлу и обѣщалъ свою полную къ тому поддержку. Чрезвычайно остался доволенъ императоръ и привѣтствіемъ отъ лица министра финансовъ статсъ-секретаря Витте, переданнымъ т. с. Романовымъ. Крайне милостиво разспрашивалъ императоръ и своего бывшаго совѣтника К. А. Алексѣева, вспоминалъ его дѣятельность въ странѣ, и особенно интересовался вопросомъ продолжаетъ ли г. Алексѣевъ, попрежнему, заниматься финансовыми дѣлами. Въ пять часовъ дня П. М. Романовъ уѣхалъ обратно въ Чемульпо на пароходѣ «Нонни», каковой и снялся съ якоря на разсвѣтѣ 10-го ноября, взявъ курсъ на Артуръ.

ОТКРЫТІЯ, НАУКА, ИСКУССТВО.

Буква S, перебѣжавшая океанъ.

Англія и Америка, эти раздѣленные океаномъ Геркулесовы столбы нашей цивилизаціи, были потрясены новостью прямо поразительной. Буква S азбуки Морзе безъ проволоки перешла черезъ океанъ.

Одна буква пока. Но зато она перебѣжала океанъ множество разъ, открывая путь другимъ буквамъ т. е. безконечному потоку человѣческой рѣчи. Случилось это въ шесть часовъ утра 11-го декабря (по нов. стилю), въ день святого Стефана. Тихо и безшумно, въ одинъ изъ сѣренькихъ послѣднихъ дней, когда каждый былъ занятъ своимъ микроскопическимъ дѣломъ, совершилось одно изъ величайшихъ событій, открывающихъ можетъ-быть новую эру въ человѣчествѣ. Въ какое удивительное время мы живемъ!

«Маркони, говоритъ телеграмма, намѣренъ устроить правильныя станціи на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана, а затѣмъ устроить телеграфированіе и черезъ Тихій океанъ».

Судьбою нѣсколькихъ буквъ, перебѣжавшихъ черезъ океанъ на высотѣ Исаакіевскаго собора надъ водой, взволнованы теперь тѣ общественные слои, гдѣ великія чудеса Божіи—научныя открытія—не проходятъ мимо, какъ иногда у насъ—безслѣдно и незамѣтно. И просто образованные люди, и дѣятели промышленнаго обмѣна тамъ, на Западѣ, уже мечтаютъ о новомъ, необыкновенномъ, безконечно тонкомъ объединеніи человѣчества путемъ атмосфернаго телеграфа. Вкратцѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы всѣ могли слышать всѣхъ по всему пространству земли почти съ тѣмъ же удобствомъ, какъ въ одномъ общемъ залѣ. Говорить, что это мечта, теперь наивно, даже кощунственно. Слишкомъ блистательно проявлено за послѣднія десятилѣтія могущество науки и заранѣе рѣшать за нее, съ чѣмъ она не можетъ справиться, просто дерзко. О, она все можетъ, или почти все! Именно этотъ путь кропотливаго изслѣдованія, ощупыванія почти слѣпого, путь настойчиваго какъ сама природа разыскиванія тайнъ, можетъ быть это именно и есть единственный открытый человѣческому роду путь къ небу. Можетъ-быть глубоко-скромное и трудовое движеніе науки по нынѣшнему состоянію душъ человѣческихъ и есть та лѣстница, усѣянная восходящими духами, которая снилась Іакову въ Веѳилѣ. Для меня неоспоримо, что истинная наука въ корнѣ своемъ религіозна и, открывая познанія въ глубинѣ природы, она ведетъ насъ къ Отцу свѣтовъ, куда всѣ мы безотчетно, какъ цвѣты къ солнцу, обращены душой.

Если сбудется воздушное соединеніе, то, подумайте, какіе открываются горизонты! Земной шаръ, облеченный столь нѣжною оболочкой, какъ воздухъ, обвѣянъ безпредѣльно тонкою тканью магнитныхъ токовъ, и вотъ наконецъ всѣ эти безчисленныя нити до сихъ поръ непостижимыя, эти дрожанія эфира заговорятъ человѣческою рѣчью, засвѣтятся мыслью. Если англичанинъ изъ Корнвалиса можетъ разговаривать съ американцами въ Массачусетсѣ, то дайте срокъ—подобный же разговоръ станетъ возможенъ для каждаго съ каждымъ, и можетъ-быть по всей поверхности нашей планеты. Говорятъ: горы, лѣса, зданія мѣшаютъ безпроволочной передачѣ. Но это устранимое препятствіе: воздушные змѣи и шары поднимаются выше горъ. Лишь бы была между двумя пунктами физическая среда и между ними возможна передача мысли.

Уже и теперь—съ электрическими дорогами, телеграфами, телефонами человѣчество достигло поразительной степени объединенія. Еще такъ недавно разсѣянное и раздѣленное на особые міры, почти чуждые другъ другу, человѣчество только теперь дѣлается единымъ, и мечта пророковъ становится несомнѣнной реальностью. Человѣчество превращается во всемірный соборъ, гдѣ есть, правда, враждебныя партіи, въ видѣ отдѣльныхъ націй и сословій, но гдѣ уже возможенъ голосъ, всѣми единовременно слышимый, возможно одновременное вниманіе къ одной и той же мысли. Это много значитъ. Послѣдствія воздушнаго телеграфа должны быть неисчислимы и можетъ быть болѣе важны, чѣмъ ожидаемаго воздухоплаванія. Представьте, что этотъ телеграфъ усовершенствуютъ и упростятъ до степени всѣмъ доступной вещи, до степени карманныхъ часовъ, носимыхъ каждымъ при себѣ или какой-нибудь крохотной машинки, вставляемой въ ухо. Вы приводите въ дѣйствіе машинку и слышите мысль, подаваемую всему человѣчеству изъ Парижа, Лондона, Петербурга, Пекина, Нью-Іорка. При содѣйствіи другой, столь же простой машинки вы подаете свою мысль, которую могутъ услышать одновременно на антиподахъ. Вы скажете—химера! Но кто знаетъ, —мы живемъ въ вѣкъ, когда міръ дѣлается волшебнымъ, когда сказки переходятъ въ быль. Можетъ быть доживемъ и до того времени, когда всѣ тайныя наши думы и желанія станутъ явными, когда мы станемъ психически-прозрачными, когда ненужно будетъ путей сообщенія, такъ какъ всѣ со всѣми будутъ сообщены въ общемъ, слившемся изъ неисчислимыхъ капель, океанѣ сознанія.

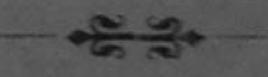

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ „Journal de Bruxelles“ пишутъ изъ Гааги, что, по порученію президента Крюгера, Шалькъ Бургеръ обратился ко всѣмъ бурскимъ командирамъ съ запросомъ, на какихъ условіяхъ они желали бы положить оружіе. Ни уклончивыхъ, ни нерѣшительныхъ отвѣтовъ не было получено. Всѣ категорически отвѣчали: или полная независимость, или война до послѣдней капли крови.

Это хорошій отвѣтъ на злостныя сплетни англійскихъ газетъ объ упадкѣ духа среди буровъ.

По полученнымъ въ Гаагѣ свѣдѣніямъ изъ бурскихъ источниковъ, Деветъ захватилъ у англичанъ подъ Тэйфонтейномъ 4 орудія—два полевыхъ и два большихъ—съ 67 фургонами снарядовъ и 2,000 ружей. Захваченными орудіями Деветъ уже воспользовался, примѣнивъ ихъ къ бомбардированію британскихъ блокгаузовъ между Франкфуртомъ и Тафелькопомъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С. Боръ, семен. у. Н. Ф—у. Разсказъ „Изъ воспоминаній прошедшаго“ помѣщенъ не будетъ.

Въ Нижегородскомъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Столичнаго Ломбарда по воскресеньямъ, съ 11 часовъ утра, будутъ производиться аукціонныя продажи просроченныхъ закладовъ по билетамъ на срокъ 1/31 **октября 1901 г., по которымъ % не платились съ апрѣля мѣсяца 1901 года.**

I. Золото, серебро и драгоцѣнныя вещи.

№№ 13701, 13703, 14896, 19249, 19836, 19839,
100357, 101038, 101848, 102155, 102226, 102240,
102250, 102251, 102411, 102500, 102652, 102879,
102953, 103110, 103122, 103139, 103174, 103181,
103182, 103227, 103246, 103251, 103304, 103305,
103316, 103399, 103627, 103635, 103667, 103741,
103793, 103862, 104034, 104035, 104037, 104031,
104134, 104202, 104250, 104260, 104296, 104317,
104328, 104355, 104406, 104464, 104483, 104495,
104497, 104534, 104553, 104601, 104610, 104629,
104632, 104653, 104686, 104716, 104727, 104942,
105276, 105532, 105633, 105947, 106068, 106266,
106447, 106454, 106827, 106959, 107082, 107131,
107345, 107457, 108151, 108310, 108420, 108646,
110399, 111547, 111822, 112590, 114072, 114076,
114077, 114080, 114083, 114099, 114100, 114108,
114113, 114123, 114127, 114131, 114133, 114134,
114142, 114148, 114164, 114169, 114170, 114174,
114191, 114198, 114200, 114212, 114223, 114236,
114245, 114263, 114266, 114276, 114284, 114290,
114295, 114324, 114325, 114328, 114331, 114335,
114343, 114345, 114348, 114350, 114354, 114367,
114373, 114379, 114385, 114386, 114387, 114391,
114403, 114416, 114429, 114448, 114449, 114450,
114453, 114456, 114460, 114466, 114470, 114475,
114584, 114486, 114491, 114492, 114497, 114514,
114518, 114519, 114526, 114536, 114537, 114539,
114541, 114547, 114549, 114558, 114561, 114564,
114571, 114579, 114585, 114597, 114607, 114609,
114614, 114617, 114618, 114621, 114624, 114625,
114632, 114636, 114639, 114640, 114641, 114642,
114651, 114657, 114661, 114662, 114663, 114670,
114675, 114676, 114678, 114685, 114703, 114708,
114720, 114721, 114724, 114731, 114735. 114746,
114747, 114759, 114762, 114766, 114776, 114772,
114773, 114774, 114785, 114787, 114790, 114791,
114795, 114802, 114805, 114806, 114807 114808,
114816, 114822, 114824, 114833, 114834, 114835,
114839, 114858, 114859, 114869, 114870, 114873,
114884, 114903, 114905, 114918, 114919, 114922,
114925, 114928, 114932, 114937, 114948, 114951,
114955, 114956, 114975, 114995, 115007, 115010,
115012, 115014, 115019, 115030, 115031, 115035,
115042, 115051, 115052, 115054, 115063, 115064,
115069, 115074, 115080, 115085, 115090, 115091,
115093, 115094, 115095, 115099, 115100, 115102,
115105, 115106, 115112, 115144, 115173, 115177,
115179, 115182, 115185, 115189, 115195, 115198,
115202, 115204, 115206, 115209, 115212, 115225,
115227, 115229, 115234, 115235, 115248, 115249,
115257, 115261, 115263, 115265, 115271, 115279,
115280, 115282, 115286, 115290, 115291, 115297,
115299, 115305, 115306, 115312, 115315, 115320,
115322, 115327, 115328, 115332, 115333, 115338,
115339, 115341, 115348, 115350, 115362, 115363,
115365, 115367, 115368, 115369, 115370, 115375,
115379, 115380, 115381, 115383, 115386, 112389,
115391, 115400, 115404, 115406, 115408, 115409,
115423, 115426, 115327, 115428, 115434, 115435,

№№ 115436, 115440, 115444, 115447, 115448, 115457,
115458, 115461, 115473, 115476, 115479, 115487,
115489, 115490.

II. Мѣха и мѣховыя вещи.

№№ 368106, 368201, 368573, 373155, 374549, 375042,
375509, 376271, 376312, 376417, 376648, 376673,
376738, 376775, 376859, 376924, 376925, 376956,
377054, 377058, 377089, 377108, 377131, 377152,
376166, 377201, 377209, 377234, 377237, 377252,
377256, 377264, 377270, 377285, 377720, 377832,
377940, 377969, 378092, 378321, 378516, 378517,
378647, 378810, 378841, 379138, 379293, 380550,
381089, 381503, 383495, 385512, 385529, 385556,
385586, 385668, 385669, 385677, 385727, 385738,
385752, 385755, 385769, 385774, 385776, 385783,
385787, 385812, 385830, 385831, 385842, 385858,
385860, 385872, 385875, 385983, 385996, 385998,
386007, 386033, 386035, 386040, 386124, 386152,
386159, 386160, 386178, 386217, 386232, 386247,
386249, 386257, 386271, 386283, 386288, 386316,
386326, 386331, 386338, 386356, 386358, 386361,
386367, 386380, 386388, 386402, 386403. 386404,
386430, 386434, 386439, 386441, 386457, 386467,
386469, 386477, 386490, 386506, 386540, 386553,
386563, 386567, 386582, 386587, 386599, 386619,
386659, 386660, 386664, 386672, 386673, 386674,
386676, 386723, 386732, 386772, 386779, 386797,
386811, 386812, 386836, 386839, 386881, 386891,
386902, 386911, 386924. 386927, 386940, 386951,
386959, 386990, 387014, 387021, 387023, 387026,
387038, 387041, 387045, 387057, 387069, 387082,
387091, 387103, 387106, 387113, 387119, 387124,
387129, 387132, 387148, 387153, 387161, 387167,
387169, 387171, 387175, 387179, 387184, 387194,
387216, 387223, 387227, 387230, 387231, 387243,
387249, 387258, 387261, 387264, 387267, 387268,
387277, 387281, 387283, 387298, 387302, 387303,
387308, 387311, 387326, 387341, 387348, 387350,
387353, 387355, 387363, 387372, 387380, 387381,
387394, 387396, 387400, 387410, 387411, 387428,
387429, 387433, 387435, 387442, 387443, 387470,
387471, 387476, 387481, 387482.

III. Платье и красный товаръ.

№№ 426409, 528683, 428684, 428765, 429821,
430024, 430793, 430938, 431382, 431672, 432020,
432060, 432126, 432267, 432325, 432437, 432824,
432975, 433270, 433327, 433610, 433856, 433898,
433923, 433955, 434009, 434057, 434386, 434401,
434516, 434690, 534753, 434758, 434781, 434785,
434791, 434822, 434917, 434932, 434964, 434989,
435008, 435009, 435045, 435068, 435070, 435263,
435109, 435118, 435352, 435365, 435536, 435583,
435646, 435751, 435752, 436152, 436161, 436412,
436748, 436919, 436929, 437022, 437358, 437815,
437553, 438451, 438530, 438531, 439436, 439449,
439791, 440314, 440385, 442364, 443530, 445485,
445491, 445501, 445516, 445519, 445525, 445535,
445542, 445548, 445551, 445555, 445557, 445560,
445563, 445581, 445587, 445616, 445627, 445629,
445630, 445634, 445636, 445640, 445645, 445654,
445658, 445660, 445665, 445678, 445707, 445708,
445713, 445733, 445744, 445746, 445750, 445764,
445765, 445794, 445823, 445831, 445834, 445856,
445872, 445882, 445886, 445894, 445898, 444907,
445908, 445914, 445916, 445939, 445943, 445950,
445952, 445953, 445955, 445957, 445964, 445967,
445975, 445981, 446006, 446018, 446029, 446054,

№№ 446056, 446085, 446090, 446100, 446104, 446108, 446117, 446118, 446132, 446133, 446142, 446145, 446146, 446152, 446154, 446156, 446158, 446159, 446164, 446168, 446187, 446203, 446215, 446216, 446217, 446219, 446224, 446229, 446248, 446249, 446253, 446260, 446271, 446274, 446285, 446289, 446292, 446293, 446304, 446307, 446323, 446329, 446332, 446333, 446336, 446339, 446356, 446363, 446365, 446366, 446367, 446382, 446386, 446388, 446389, 446390, 446395, 446407, 446412, 446413, 446414, 446415, 446419, 446420, 446426, 446427, 446442, 446446, 446451, 446454, 446459, 446469, 446476, 446478, 446484, 446504, 446525, 446532, 446539, 446546, 446448, 446565, 446569, 446573, 446575, 446583, 446586, 446587, 446593, 446594, 446597, 446602, 446610, 446616, 446618, 446619, 446620, 446625, 446632, 446634, 446645, 446646, 446649, 446651, 446654, 446665, 446679, 446685, 446697, 446698, 446721, 446724, 446725, 446738, 446758, 446766, 446770, 446781, 446801, 446812, 446813, 446816, 446824, 446848, 446850, 446851, 446852, 446856, 446862, 446864, 446865, 446866, 446872, 446875, 446876, 446879, 446896, 446906, 446909, 446918, 446939, 446941, 446942, 446943, 446954, 446960, 446969, 446978, 446983, 446994, 447007, 447011, 447014, 447017, 447025, 447029, 447032, 447035, 447036, 447041, 447050, 447054, 447059, 447077, 447078, 447086, 447093, 447114, 447125, 447131, 447141, 447143, 447146, 447147, 447148, 447149, 447179, 447183, 447187, 447188, 447191, 447194, 447197, 447205, 447208, 447210, 447214, 447219, 447221, 447225, 447230, 447231, 447239, 447243, 447247, 447251, 447256, 447257, 447263, 447274, 447293, 447301, 447317, 447319, №№ 447323, 447324, 447328, 447329, 447332, 447340, 447341, 447357, 447358, 447367, 447368, 447369, 447383, 447386, 447395, 447398, 447400, 447407, 447416, 447421, 447429, 447440, 447444, 447450, 447452, 447454, 447471, 447481, 447483, 447485, 447504, 447505, 447507, 447508, 447510, 447520, 447524, 447528, 447546, 447556, 447566, 447570, 447571, 447574, 447579, 447580, 447593, 447602, 447604, 447605, 447612, 447614, 447616, 447618, 447619, 447621, 447629, 447637, 447639, 447646, 447652, 447653, 447654, 447655, 447658, 447663, 447665, 447666, 447667, 447675, 447677, 447687, 447695, 447704, 447706, 447718, 447720, 447723, 447729, 447732, 447736, 447741, 447744, 447747, 447756, 447766, 447770, 447777, 447783.

IV. Галантерейныя вещи.

№№ 213049, 213998, 214027, 214331, 214336, 214404, 214543, 214547, 214655, 214663, 214862; 214867, 214876, 215127, 215140, 215214, 215328, 2155[illegible]5, 216326, 217487, 217488, 217501, 217510, 217512, 217513, 217516, 217518, 217522, 217529, 217539, 217550, 217556, 217558, 217565, 217566, 217576, 217584, 217592, 217596, 217606, 217607, 217613, 217615, 217619, 217620, 217623, 217627, 217628, 217630, 217650, 217656, 217658, 217659, 217667, 217668, 217672, 217683, 217589, 217695, 217701, 217719, 217725, 217726, 217727, 217731, 217732, 217733, 217740, 217756, 217757, 217759, 217764, 217766, 217768, 217772, 217777, 217787, 217795, 217796, 217802, 217808, 217809, 217810, 217811, 217830, 217835, 217838, 217841, 217845, 217849, 217854, 217856, 217859, 217863.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.